

ПИОНЕР 1

1980

1973 год. Председатель Комитета по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами» академик Д. В. Скобельцын вручает товарищу Л. И. Брежневу диплом и медаль лауреата.

Н. Н. БЛОХИН,
академик, президент Академии медицинских наук, председатель Комитета по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами»

НАГРАДА БОРЦАМ ЗА МИР

Дорогой друг!

Когда ты возьмешь в руки этот первый номер журнала «Пионер», по планете уже будет шагать 1980 год.

Много нового, необычного принесет он тебе, твоим товарищам, много больших и маленьких событий останутся в твоей памяти.

Но вот одно из них, одну дату отметят люди во всех странах, на всех континентах.

Это 110-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Вы знаете, ребята, что одним из первых ленинских декретов был Декрет о мире. С тех пор миролюбивая внешняя политика стала для нас заветом Ильича. Наше государство свято выполняет его.

Радостно и то, что во всех странах мира есть выдающиеся борцы за мир и прогресс. Высоким признанием их благородных дел служит международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Эту премию учредил Президиум Верховного Совета СССР в 1949 году. Ее вручают людям, чей труд и творчество служат укреплению мира, в какой бы стране они ни жили.

Демократические организации разных стран выдвигают кандидатов на соискание международной Ленинской премии. А мы — Комитет по международным Ленинским премиям — рассматриваем эти предложения. Иногда и сами называем кандидатов.

Каждый год Комитет, который мне посчастливилось возглавлять, присуждает до пяти премий. Лауреаты получают диплом, золотую нагрудную медаль с изображением В. И. Ленина и денежную премию.

Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» — Леонид Ильич Брежнев, руководитель нашей партии и государства. Много сил, воли, настойчивости отдает он борьбе за мир, за счастье народов. За каждым новым мирным договором — его большой вдохновенный труд.

Удостоен нашей награды французский художник Жан Эффель. Его веселые рисунки вы часто встречаете в газетах и журналах. Я сказал: веселые рисунки. Но в каждом из них серьезная мысль — люди должны жить дружно, заботиться о мире на земле.

Мы вручили международную Ленинскую премию греческому поэту Янису Рицосу. Этот мужественный человек, несгибаемый антифашист каждой строкой своих стихов борется против фашизма, против ужасов войны.

Я назвал сейчас трех лауреатов международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». А всего этой высокой награды удостоено более ста сорока человек из пятидесяти шести стран мира.

В нынешнем году на страницах журнала «Пионер» вы будете часто встречаться с лауреатами международной Ленинской премии. Они расскажут о своей борьбе за дело Ленина во всех уголках земного шара.

К 110-Й ГОДОВЩИНЕ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. И. ЛЕНИНА

Газим-Бег БАГАНДОВ

Песня о Ленине

Там, где бураны в скалы бьют с размаху,
Вовек не доставая до вершин,
В селении величиной с папаху
Родился я, простой крестьянский сын.
Я подрастал. Моя весна седьмая
Настала, и услышал я тогда
Ту песню, что сегодня вспоминая,
Волнуюсь я, как в давние года.
Ее запели люди на рассвете
В той сакле, где всю ночь
огонь не гас —
Я в первый раз слова услышал эти,
И слышала земля
Их в первый раз!

Качалась в небе песня, как на ветке,
На коромысле радуги крутом,
И семь полосок радужной расцветки
Вплелись в ее мелодию потом.
В ней водопады высей зазвенели,
Что губы только ланям леденят!
Под бубны чабаны ее запели,
Пуститься в пляс заставили ягнят!
Орлы внимали песне, над откосом,
Подобно изваяньям, замерев!
И звезды по ночам, припав к утесам,
Влюбленно этот слушали напев!
В нем ярко имя Ленина горело
И согревало сердце землякам!
В нем Ленин, как герой былинный, смело
По всей планете шел навстречу нам!

* * *

Сородичей моих простые песни,
Вы надо мной звучали и вдали.
Рожденные, как птицы, в поднебесье,
Вы первую любовь во мне зажгли!
О Ленине вы всё мне рассказали,
Когда о нем не знал я ничего.
Вы облик Ильича мне показали,
Когда портретов не было его.

Была весна. Родители, соседи
В полях работой заняты своей —
Мне помешать никто не мог на свете
Собраться в гости к Ленину скорей!
Увидеть бы его и рассказать бы,
Как быстро я читаю и пишу,
Как я пасу ягнят и как на свадьбе
Со взрослыми без устали пляшу!
Все были о Вожде, что мне известны,
Ему я рассказал бы — до одной!
Все песни о Вожде, что знал я с детства,
Ему я спел бы звонко — до одной!

...На мне чарыки[1] новые.
Папаха
Прикрыла непокорные вихры.
Я по тропинке побежал без страха
К вокзалу у подножия горы,
Мечтая, что пожму ему я руку
И посижу недолго рядом с ним!
А если не пожму ему я руку,
То перемолвлюсь словом хоть одним!
А если это невозможно будет,
Хоть подойду к нему на три шага!
Когда и это невозможно будет,
Хоть разгляжу его издалека!
Вокзал. И поезд, словно по заказу!
Скорей — сейчас колеса застучат!
Схватился я за поручни, и сразу
Меня с подножки дернули назад!
Настигла мать и сильною рукою
Взяла за ворот — чуть не сбила с ног!
Я никогда испуганной такою
Ее не видел...
— Ты куда, сынок?
С одною лишь тревогою, без злости,
Она твердила:
— Ну, пойдем домой...
— Я к Ленину хочу поехать в гости!
И мама улыбнулась: — Мальчик мой...
Слеза в ее ресницах заблестела
От счастья и скатилась по щеке.
Я поднял взгляд — платформа опустела.
Зеленый поезд скрылся вдалеке.

* * *

Но сколько б ни корили, ни просили,
Но сколько б ни держали взаперти,
Опять, когда дожди заморосили,
Сумел тайком я из дому уйти.

---

[1] Чарыки — горская обувь.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ 1

Москва 1980г.
Издательство «Правда»

Я быстро шел, но посреди дороги
Какой-то шум услышал за спиной.
Я обернулся — подкосились ноги:
Ведь это мой отец спешил за мной!
Я сбросил с плеч бешмет, прибавил шагу —
Отец на землю сбросил свой бешмет!
Тогда сорвал я с головы папаху!
Гляжу — и на отце папахи нет!
Я побежал, но около вокзала
О камень зацепился мой чарык.
Упал я и подумал: все пропало!
И в этот миг отец меня настиг.
...Я вновь из дому убежал зимою.
Оглядываясь часто на бегу,
Я все смотрел: не гонятся ль за мною,
Но только след свой видел на снегу.
Вот и вокзал. Сильней забилось сердце.
К дверям шагнул я, пересилив страх, —
Мне так хотелось хоть чуть-чуть согреться!
Но замер я испуганно в дверях:
В огромном теплом зале все рыдали,
И об одном подумал я тогда —
Причиною такой большой печали
Быть может лишь великая беда...
И женщина одна немолодая,
Как мать моя, от седины светла,
К груди меня прижала и, рыдая,
Ужасной вестью душу обожгла.

Я слышал: «Умер Ленин... Умер Ленин...»
И к горлу подступил тяжелый ком,
Земля качнулась, заметались тени,
На пол холодный я упал ничком!

* * *

Но в добрый час я выздоровел вскоре
И сразу в школу! Пения урок.
Поочередно седовласый горец
Нас звал к доске, и каждый пел, как мог.
Внезапно имя я свое услышал,
И на меня смотрел притихший класс...
Сказал учитель, чуть к доске я вышел:
— Какую песню ты споешь для нас?
Я петь не мог. Сдавило сердце болью,
И горько я заплакал, пряча взгляд.
— О чем, сынок, ты плачешь? Что с тобою?
— Учитель... Ленин умер... Говорят...
— Что? Ленин умер? Говорят? Да кто же
Неправду смел такую говорить?!
Ведь никогда тот умереть не может,
Кого никто не может заменить!
Бессмертен Ленин, каждому известно!
И ты об этом тоже должен знать! —
Он сделал знак рукой: иди на место.
Я на скамью послушно сел опять.
Добро какою мерою измерить?
От горя наши души уберег,
Когда не дал в смерть Ленина поверить
Ученикам прекрасный педагог!

Он вышел, только в эту правду веря,
Держась за сердце смуглою рукой —
Ведь голову его не зря же Время
Посыпало пшеничною мукой...
Мы ждали молча. Вскоре он вернулся,
Держа в руке кумуз [1], и сел к окну.
Уверенным движеньем струн коснулся,
Потом послушал каждую струну.
...Учитель добрый наш! На белом свете
Давно тебя уж нет, но сохраним
Мы в памяти своей мгновенья эти,
В которых вечно будешь ты живым!
Звучали струны тонкие согласно,
Когда ты пел о том, что Ленин жив.
И понял я, что смерть над ним не властна,
Сначала это сердцем ощутив!
Над саклями седыми тьма сгустилась —
Ты каждый вечер эту песню пел.
Хотя в твоих глазах печаль светилась,
Учеников ты радостью согрел!
Ты нас избавил от большого горя
В тот самый горький и тяжелый год —
Как солнце, восходящее из моря,
Из песни нам улыбку Ленин шлет!

[1] Кумуз — музыкальный инструмент.

Старею я, а песня не стареет.
Учитель мой, ей долго-долго жить!
Беру кумуз, пусть песнею твоею
Он мне рассказ поможет завершить:
«Кто сказал, что умер Ленин?
Мне такое не постичь —
Я одной лишь правде верен:
Ленин жив! Живи, Ильич!
Нас сменяя, поколенья
Будут годы длить твои.
Кто сказал, что умер Ленин?
Ленин жив! Ильич, живи!
И вблизи и в отдаленье
Вечно будет слышен клич.
Кто сказал, что умер Ленин?
Ленин жив! Живи, Ильич!
В каждой новой нашей песне,
Полной света и любви,
Вера гордая, воскресни:
Ленин жив! Ильич, живи!
В наших праведных законах,
В том, чего хотим достичь,
Множься голос непреклонных:
Ленин жив! Живи, Ильич!
Утверждаем — Ленин с нами! —
И огнем в своей крови,
И сердцами, и устами:
Ленин жив! Ильич, живи!»

Перевел с даргинского О. ДМИТРИЕВ.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

И. Шадр. *«Булыжник — оружие пролетариата».*

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КАМНИ ПРЕСНИ

Все проходит, но не все забывается.

Мчит сквозь тьму тоннеля поезд метрополитена. Разносится по вагонам голос машиниста: «Станция Краснопресненская!»

Открываются двери, и по бесшумно скользящим ступеням эскалатора мы поднимаемся наверх, выходим на шумную московскую улицу.

Красная Пресня...

Течет по тротуарам людской поток. Бегут по мостовым автомобили, автобусы, проплывают троллейбусы. Живет, дышит, полнится гулом машин, заводских и фабричных станков, строится, молодеет старая Красная Пресня. А таблички на стенах новых зданий напоминают нам о былом — «Площадь Восстания», «Улица Баррикадная», «Улица 1905 года»...

Здравствуй, Пресня! Поклон твоим площадям и улицам, заводам и фабрикам! Поклон твоим овеянным легендами камням! Тогда, в декабре пятого года, они были красными — от крови твоих сынов, от зарева пожаров.

Тысяча девятьсот пятый год — год первой русской революции.

Поднялась трудовая Россия. Восстала пролетарская Москва, а центром восстания стала Пресня, которую с тех пор называют Красной...

Начался этот год кровавым 9 января и завершился кровопролитным декабрем. Но какая огромная разница между этими двумя событиями одного года!

Вековую забитость, покорность, наивную веру в царя-батюшку мы видим в январском Петербурге.

А сквозь зарево декабрьского вооруженного восстания на баррикадах Пресни перед нами во весь рост встает сознательный, ощутивший свое человеческое достоинство и силу, гордый и мужественный пролетариат!

Девять декабрьских дней самоотверженно сражалась с царскими карателями рабочая Пресня. Не хватало оружия, знания ратного дела. Неравными были силы. Кровью окрашивались снега на пресненских переулках и улицах. До последнего держались боевые дружины.

Сохранился драгоценный документ — последний приказ революционного штаба Пресни: **«...Мы начали. Мы кончаем. В субботу ночью разобрать баррикады и всем разойтись далеко. Враг нам не простит своего позора. Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим. Но это — ничего. Будущее — за рабочим классом. Поколение за поколением во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству. Да здравствует борьба и победа рабочих!»**

Пресня потерпела поражение. И Пресня победила!

«После декабря, — писал Владимир Ильич Ленин, — **это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании».**

Все проходит, но не все забывается, не все смывается с лица земли неумолимым временем. Пройди по легендарным камням Красной Пресни. Вслушайся в гул ее заводов и фабрик, площадей и улиц, и ты услышишь, как идет перекличка поколений нашей революции.

«Мы начали!» — доносится сквозь десятилетия с огненных баррикад девятьсот пятого года.

«Мы продолжили!» — откликаются с берегов Невы, из осеннего Петрограда бойцы Октября.

«Мы продолжаем! — отвечает Страна Советов. — Живет и всегда будет жить ваше дело, товарищи!»

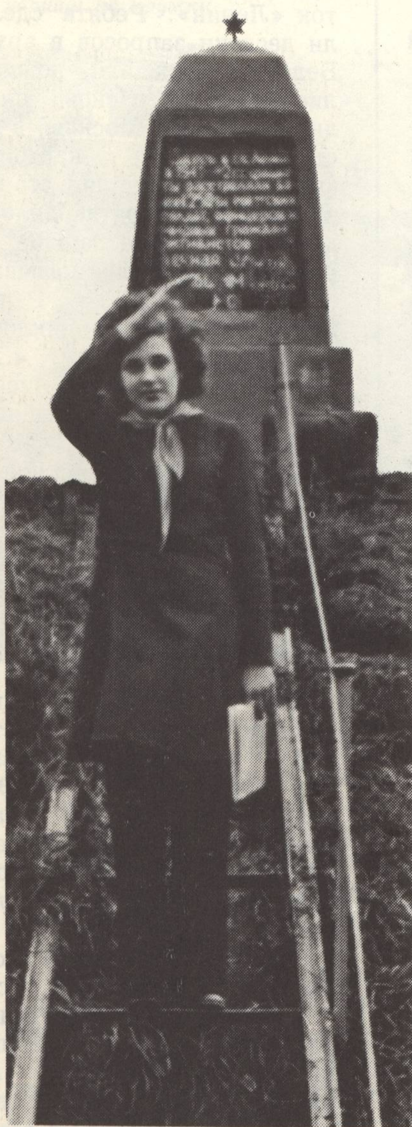
В. ЯКОВЛЕВ

КЛЯТВА У СВЯЩЕННОГО КУРГАНА

В путеводителях нет этого музея.

Как и многих других на земле Белоруссии, где так жестоко прошла война... Но они существуют в сельских, городских школах и несут свою вахту памяти.

Есть такой музей и в поселке Ленин Гомельской области. О том, как ребята создали свой музей, рассказывает наш корреспондент М. КРАВЕЦ.

Обелиск

Так уж получилось — ребята сами нашли меня.

Я приехал в командировку в поселок Ленин. Пасмурным днем в хату, где я остановился, постучал седой, по-мальчишески худощавый мужчина, улыбнулся и протянул руку: «Боярин Владимир Владимирович, учитель географии, а это... — он кивнул на ребят у крыльца, — мои соратники, штаб кружка «Ленинец».

Так начался наш разговор. Мы вышли за поселок — в поле. Ребята притихли. «Вот здесь, где высокая трава, — тихо сказал Боярин, — это все люди, люди, люди...»

14 августа 1942 года более двух тысяч жителей поселка Ленин — женщин, детей, стариков — расстреляли возле леса, на окраине поселка. Расстреляли только за то, что они советские люди, живущие на советской земле.

И вот мы, притихшие, стоим среди этого поля. Прямоугольный столбик из песка и глины — памятник тем людям. Он поставлен давно, но голубая краска свежа, высоки на клумбе ромашки.

Метрах в пятидесяти от этого места, у дороги в поселок, еще один памятник — трехметровый холм. На вершине его небольшая площадка и тоже памятный столбик, такой же голубой, с красной пятиконечной звездочкой. Рядом — крышка от солдатского котелка. Наполовину заполнена дождевой водой. 1250 солдат и офицеров погребены в этой братской могиле.

— Крышку от солдатского котелка мы нашли возле леса, — сказали ребята. — Теперь она часть памятника. А насыпали этот холм те, кто работал в кружке до нас, в семьдесят втором году.

— У нас тут вокруг везде песок, и тем ребятам трудно пришлось.

— Из леса носили черную землю, чтобы сверху трава прижилась.

— Вокруг выкопали ямки под березы и каштаны.

— Двести деревьев посадили тогда. Теперь посадим еще аллею Дружбы...

— И аллею Тишины.

— Ограды не будет, одни деревья — «живая изгородь».

У поселка мы снова остановились. Тут тоже возвышался обелиск.

Валя Михнавец говорит:

— Вот там была старая кузня. Там наших сожгли. Здесь был сарай. В этот сарай фашисты сбрасывали трупы тех, кого сожгли в старой кузне. Почти весь поселок... Это случилось в сорок третьем. 16 февраля. Так страшно фашисты отомстили партизанам.

— Наш поселок оставался советским. И нигде, ни в одном районе области, фашисты так не свирепствовали, как в нашем Ленинском, — тихо говорит Боярин. Он тоже партизанил на этой земле. — Тридцать населенных пунктов сожгли. В нашем поселке Ленин было четыре тысячи человек, а теперь почти не осталось живых свидетелей...

Мы помолчали. И Боярин сказал.

— И мы с ребятами спешим писать письма. Тем, кто пока еще жив...

Позже, в музее, Боярин достал из папки и протянул мне одно из самых дорогих для них писем — от З. И. Никитенко из Гомеля. «...Вы просите, ребята, сообщить о себе. В ноябре сорок второго мы выбили из поселка фашистский гарнизон и создали свою партизанскую комендатуру в Ленине. Наша комендатура просуществовала до начала сорок третьего года, и я был в ней комендантом до конца ее существования».

— В те годы вокруг свирепствовали враги, — объясняет Владимир Владимирович, а Валя Михнавец уточняет гордо:

— Советским был только наш поселок.

Теперь там, где была партизанская комендатура, ре-

бята хотят установить мемориальную доску — в память о земле, которая и тогда оставалась советской. Я верю: скоро такая доска будет. Меня убеждают в этом сотни писем, фотографий, документов в Ленинском школьном музее, созданном ребятами. Меня убеждают в этом и обелиски под открытым небом.

Девиз и дело

«Восстановить и сохранить» — девиз кружка «Ленинец».

— И помнить! — добавляет Боярин. — Вот такая рада.

«Такая рада» — по-белорусски «такое дело».

А ты, друг-читатель, уже знаешь, как много сделали ребята, чтобы жила память о героическом военном прошлом поселка. Но и довоенное прошлое, и, конечно же, его настоящее хотят сберечь ребята для будущего.

Появились на улицах таблички с новыми названиями — Советская, Интернациональная, Революционная... (вместо Глухой, Большой). Названия этим улицам ребята придумали сами. Кроме одного. «Революционной» улица стала в 1939 году — ребята установили это с помощью писем и довоенного паспорта за 1939 год.

Удалось ребятам и отвоевать, сохранить замечательный дубовый лес за поселком вдоль речки Случь. Местный леспромхоз задумал спилить его на дрова. «Не спилил!» — радостно сообщили ребята. Они написали в журнал «Сельская молодежь» — журнал опубликовал письмо кружка в защиту своего леса, а через некоторое время — ответ Госкомитета Белоруссии по охране природы. И стоит лес, и летят над ним, над речкой аисты, украшают верхушки дубов давние колоды для пчел.

Добились ребята, чтобы музей их получал книги по подписке. Полки Ленинского музея заняты книгами — 3400 томов. На разных языках. По инициативе ребят 30 ноября 1974 года прошло собрание жителей поселка, и они приняли предложение кружковцев — создать ленинскую библиотеку: собрать книги о Ленине, а в районной газете напечатали обращение ко всем желающим принять в этой работе участие.

Школа собрала 600 книг. Улица Революционная — 150. Женя Харитонович — 100. А Щур Коля (он тоже раньше был в кружке) прислал больше 200 книг.

— А наш бывший учитель рисования Василий Ефимович Браим, он теперь в университете преподает, он тоже присылает книги, — добавила Валя Михнавец. — Он и значки присылает и марки.

— Михнавец Валя, а твой брат? — подсказали ребята.

— Саша сейчас в Минске, в физкультурном институте, летом он был в стройотряде и прислал 100 рублей на книги.

— А Валя Немченя, как уехала, каждый месяц присылает нам книги из Туркмении.

Приходят книги с Украины, прислали книги ленинградцы, пришли посылки из Москвы, даже из Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. Из ГДР. Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Петр Ярошевич прислал «своим молодым друзьям» очень теплое письмо, памятный альбом и подарки, пожелал успехов в работе. (Ребята из кружка установили, что его отец был учителем в местной русской школе и раннее детство Петра Ярошевича прошло в поселке Ленин.)

Кружок «Ленинец» продолжает свою работу.

— Мы собираемся каждую субботу.

— Снег не снег.

— И на каникулах у нас мало кто уезжает.

— В штабе кружка восемь человек.

— А всего тридцать пять.

— Кружковцев, которые уже закончили школу, больше ста.

Кстати, те, кто закончил школу, вернули своему поселку его подлинное название. Но об этом — особый рассказ.

Почтовый индекс 247974

Еще не так давно поселок назывался «Ленино».

Случилось так, что ребятам попалась старая черепица, а у одного из жителей нашлась сберегательная книжка 1915 года — на круглой печати и на черепице сохранился один и тот же отпечаток «Ленин». Ребята сделали десятки запросов в архив Белоруссии, ждали, дожидались ответов и снова писали — в архив Москвы, в институт геодезии и картографии. Они изучили старые карты — и подтвердилось: до войны и даже раньше, до революции, поселок назывался Ленин. Без «о». Редакция Белорусской энциклопедии ответила ребятам: «...В своих изданиях будем писать название вашего населенного пункта Ленин».

Теперь, когда подлинное название поселка закреплено почтовым индексом 247974, есть у ребят мечта: подтвердить догадку, что существует связь между названием поселка и главным псевдонимом вождя, который он выбрал из множества. В последнем ответе из Института марксизма-ленинизма есть и такие слова: «...Эту вашу мысль можно рассматривать лишь как одну из версий происхождения данного псевдонима Владимира Ильича».

Ребята уже получили письменные свидетельства. Есть у них сведения о встречах Владимира Ильича с революционерами-демократами из поселка Ленин еще до революции, в 1895 году, в горо-

Ваня Щур — член штаба кружка «Ленинец». Он один из тех, кто бережно ухаживает за обелисками, кто хранит память о жителях поселка, замученных гитлеровцами. На соседнем снимке — его товарищи по кружку.

де Вильно, о том, что Владимир Ильич и позже вспоминал об этом поселке и на пятом партийном съезде интересовался делами его жителей. И может быть, случайность выбора В. И. Лениным своего основного псевдонима не совсем случайна. Но даже если это смелое предположение не подтвердится, заслуживает уважения и поддержки та настойчивая исследовательская работа, которую ведут школьники вместе со своим руководителем.

В конце прошлого года к юбилею Октября на площади перед новым зданием сельсовета поставлен памятник В. И. Ленину. И в этом тоже заслуга ребят. Каждый из них, вступая в кружок «Ленинец», давал клятву отдать свои силы настоящему делу. Клятву у Священного кургана.

Владимир Владимирович Боярин — в прошлом партизан, а сейчас педагог, руководитель кружка — всегда окружен ребятами. Вместе они работают, спорят, мечтают.

Фотографии М. ГУТЕРМАНА.

Владимир КРАСИЛЬЩИКОВ

ХЛЕБА ОСТАЛОСЬ НА ДВА ДНЯ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Петроград. Смольный.

После заседания Центрального Комитета партии Свердлов задержался в кабинете Ленина.

— Что будем делать с народным комиссариатом продовольствия, Владимир Ильич?

— Что делать?..— повторил Ленин.— Надо «делать» сам комиссариат — наше, так сказать, министерство продовольствия. Оно у нас есть пока что лишь на бумаге, как, впрочем, и бо́льшая часть государственного аппарата, который еще предстоит строить и строить...

— Нужен крепкий, надежный — нет! — более, чем надежный человек, чтоб возглавить наш Компрод. Могут спросить: когда нужен? Вчера! Позавчера! Тем более сегодня, сейчас, сию минуту!

Ленин встал из-за стола, прошелся по кабинету, опустился в кресло и сказал Свердлову:

— Есть такой человек! Цюрупа Александр Дмитриевич.

— Цюрупа? Слышал. Такая редкая, запоминающаяся фамилия. Председатель Уфимского комитета партии? Выдержит войну с голодом в государственном масштабе?

— Уверен, как в самом себе. Наш, целиком наш, верный товарищ. Знаю его почти два десятка лет. Мы познакомились в... Позвольте, когда? В девятисотом. Да, да, именно в девятисотом. Меня освободили из ссылки, а Надюше было предписано доживать срок ее ссылки в Уфе, и мы прямо из Шушенского прикатили туда.— Ленин мечтательно улыбнулся, припоминая что-то невозвратное, милое.— Н-да-а... Так вот о Цюрупе. Революционер по убеждению, по призванию. Горячий, прямой, стремительный. И взгляд у него, помнится, такой — смотрит твердо, настойчиво, как говорится, прямо в душу. Если бы у нас в партии учредить гвардию, то вот это как раз... Гвардеец, если хотите. Гвардеец еще того, искровского закала. Искряк.

— Искряк,— произнес Яков Михайлович Свердлов как что-то близкое.

— Притом — скромнейший человек,— подхватил Ленин.— Не говорун, не любитель этак, знаете, щегольнуть статейкой. Человек дела. Отличный организатор — то, что называется практик.

— В ваших устах слово «практик» звучит как наивысшая похвала.

— Повторял и буду повторять: любой шаг практического движения дороже дюжины программ... После Февральской революции, пока некоторые наши товарищи на местах митинговали и дискутировали, он, Цюрупа, занимая пост председателя городской думы в Уфе, потихоньку-полегоньку собирал, приберегал, накапливал хлеб для нашей революции. И сразу же, только взяли Зимний дворец, двинул весь накопленный хлеб к нам, в Питер. Может быть, даже наверняка, это помогло нам победить Керенского и Краснова. Помните, как с продовольствием было невмоготу, как каждая крошка на вес жизни ценилась?

— Да оно и сейчас-то не легче,— заметил Свердлов.

То и дело в кабинет к Цюрупе входили сотрудники народного комиссариата продовольствия, чаще всего одетые в военную форму.

— К сожалению, так. Но тогда Цюрупа весьма и весьма кстати поддержал нас многими, многими тысячами пудов...

— Все это прекрасно, Владимир Ильич, — согласился Свердлов, еле заметно улыбнувшись. — Но государственный размах продовольственного дела... Кормить такую громадину-страну да еще в такое лихое время!.. Быть народным комиссаром продовольствия не легче, не проще, чем всеми фронтами командовать, чем переговоры вести о мире.

— Поручусь за Цюрупу. Спокоен. Выдержан. Уравновешен. Могучая воля. Ясная голова. Умеет ладить с людьми и в то же время гнуть свое.

— И все-таки... — Свердлов неуступчиво, упрямо вздохнул: — из губернии сразу в министры?!

— Яков Михайлович! — Ленин засмеялся. — Можно подумать, что вы родились президентом! Какой месяц по счету вы президентствуете? Какой день?

— ...

— Что ж вы разводите руками? Не считали? А подсчитать-то нетрудно. В тюрьмах и каторгах не учили нас управлять государствами. При-

дется учиться, да побыстрее. Или научимся, или ...пропадем. Что говорить, небогатый выбор. Погодите, Яков Михайлович, может быть, у вас на примете есть иной кандидат?

— Да нет как будто бы.

— Что же, остановимся на моем? Рискнем? Не промахнемся, уверяю вас. Если бы Цюрупы не было, его пришлось бы создать...

* * *

Впервые он слышал Ильича таким взволнованным. Голос Ленина по телефону звучал непривычно резко, то и дело прерывался.

— Дорогой Александр Дмитриевич!.. Крепитесь... Только что мне сообщили, что в село, где пряталась ваша семья, нагрянули белые... Увезли Марию Петровну с детьми в тюрьму.

«...С детьми в тюрьму...» Как только речь наша выдерживает подобные сочетания?!

— Взяты заложниками и семьи Брюханова, Юрьева... В радиограмме «Всем, всем, всем» белое командование грозит расстрелять и жен и детей уфимских большевиков, если мы не пощадим видных белогвардейцев, которые попали к нам в плен. Крепитесь, дорогой Александр Дмитриевич!.. Уже принимаем меры, чтобы обменять белых пленников на Марию Петровну и других заложников.

— Каким образом? — только и смог произнести Цюрупа.

— Пока еще не вполне ясно. Обо всех шагах буду сообщать вам...

Положив трубку, Александр Дмитриевич будто окаменел. Очередной сотрудник докладывал об очередных делах. Александр Дмитриевич слушал его, да не слышал. Все шло мимо ушей, уплывало куда-то в сторону, вдаль, прочь. Даже сам сотрудник с папкою бумаг виделся как-то смутно, размыто.

Надо бы сказать: «Погодите. У меня горе». Да кого удивишь горем в нынешнюю пору? И потом — зачем обременять своим горем других?

Как драматически, как трагически сложились обстоятельства! Осенью прошлого года, сразу после Октябрьской революции, Ленин вызвал его в Петроград. И вскоре Александр Дмитриевич Цюрупа был назначен народным комиссаром продовольствия Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. А семья его осталась под Уфой в имении, где до революции он служил агрономом.

Потом Советское правительство переехало из Петрограда в Москву. Но семья наркома продовольствия по-прежнему оставалась в деревне под Уфой. И Александр Дмитриевич и Мария Петровна считали, что там, на своем насиженном месте, и безопаснее и сытнее. Только дочь Валя жила здесь, в Москве, с отцом. И вот... Уфа захвачена колчаковцами — семья красного министра в руках белых.

Что же он сидит? Бежать! Лететь на выручку! Как? Через фронт? Маша... Семилетний Волик... Вадюше нет еще и двенадцати... Так хотелось броситься куда глаза глядят, ну, хотя бы расслабиться, походить из угла в угол по кабинету... А надо было работать. Работать, несмотря ни на что, стоять на посту — добывать для голодающей, изнемогающей в кольце фронтов республики хлеб.

Хлеб, хлеб и хлеб — ежедневно, сейчас, сию минуту!

То и дело в кабинет входили сотрудники народного комиссариата продовольствия, чаще всего одетые в военную форму. И сообщения их, одно тревожнее другого, напоминали военные донесения.

— Заговорщики, диверсанты, действующие в разных городах, стараются прежде всего подорвать продовольственное дело. Жгут склады зерна, мельницы, пекарни. Убивают заготовителей, проводников, сторожей...

— В Петрограде от голода люди падают прямо на улицах. На черном рынке спекулянты-мешочники продают пуд ржаной муки по тысяче рублей, да еще далеко не всегда и за тысячу рублей добудешь...

— В январе наши государственные запасы зерна составляли три миллиона пудов. А теперь — всего триста тысяч пудов, и запас с каждым днем тает...

Командиры продовольственных отрядов требовали у народного комиссара пулеметы. Солдаты требовали хлеба. Делегаты города Царицына — ситец для обмена на хлеб. Решено было отбирать у деревенских богатеев излишки зерна, чтобы кормить рабочие центры. И еще по мере возможности к этим излишкам прибавить хлеб, который можно выменять на товары, нужные крестьянам.

— Клянемся, товарищ народный комиссар! Царицын завалит Россию хлебом, дайте только товары для обмена.

Обиженный представитель Витебска стучал по столу кулаком, кричал, что надвигается сыпной тиф и срочно необходимы четыре тысячи пудов мыла, а нет ни кусочка.

Робкий старичок вкрадчиво и виновато убеждал, что, если их превосходительство товарищ комиссар не соблаговолит безотлагательно дать мясо и фрукты для зоологического сада, все звери неминуемо скончаются.

В отяжелевшей голове гудело, звенело, стонало.

— За зиму и весну Кострома съела все семена, нечем засевать поля. Для посева срочно просим овес, ячмень, яровую пшеницу и рожь, а также семена овощей...

— На промыслах близ Перми прекращена добыча соли. Промыслы бездействуют, потому что нет хлеба для рабочих, нет корма для лошадей.

— Голодающие крестьяне засели в лесу под Тихвином. Когда показался поезд с хлебом, открыли стрельбу. Десять человек ранены и убиты. Овладев поездом, крестьяне тут же принялись делить муку. Произошла новая свалка. Три тысячи пудов муки рассыпаны по путям...

И так, с самого утра — на протяжении рабоче-

го дня. А над всем этим неотступно, неизбывно, заглушая все это, думы, думы о жене, о детях. Старшие сыновья давно на фронте, а ведь, кажется, совсем недавно вот эта самая дверь кабинета тихохонько отворилась, вошла озабоченная, смущенная Софья Григорьевна — секретарь:

— Александр Дмитриевич!.. Митя пришел.

Вслед за тем в дверях показался такой же плечистый, крутолобый, как отец, старший сын. В чем дело? Не заведено у наркома, чтобы дети захаживали в служебный кабинет.

— Что случилось, Митя?

— Папа. Ты, пожалуйста, не расстраивайся. Я решил вступить в Красную Армию.

— Ты! Тебе же нет и семнадцати.

— Я добровольцем. Добровольцем можно.

— Митя! Пойми! Война не игрушка. Рано тебе... Никто тебя не заставляет.

— Тем более. Тем более я должен идти.

— Понимаю, но...

— Папа! Неужели я должен тебе объяснять положение?! Подумать страшно. Колчак рвется к Волге, наседает с востока. Дон и Кавказ у белых. Украина у немцев. Повсюду кулацкие мятежи. Генерал Краснов вот-вот перережет единственную дорогу, по которой мы получаем хлеб с юга...

— Да, да, Митя. К сожалению, это — правда, и даже еще не вся правда. Но, Митя!..

— Хорошо, папа. Я не пойду на фронт. Скажи только, что ты ответил своему отцу, когда он уговаривал тебя не вступать в революционное движение?

— Гм?.. Когда я вступал в революционное движение, мой отец уже умер. Оставалась только мама. Ей было очень тяжело. Но она не сказала мне ни слова.

— Вот видишь!

— Ну, что же... Иди, Митя. Я не удерживаю тебя.

С тех пор от Мити никаких вестей.

...Рабочий день заканчивался, но работа продолжалась. За широкими зеркальными стеклами Верхних торговых рядов, где разместился народный комиссариат продовольствия, сыпал серый дождичек. В сырой мгле высвечивались лишь трамвайные пути, рассекавшие мостовую Красной площади. Еле виднелась кирпичная кладка Кремлевской стены, поклеванная пулями и осколками во время прошлогодних октябрьских боев. Словно растворяясь в мутной пелене, высились белокаменные стрелы на шатре Никольской башни, едва угадывался в клочьях проносившихся облаков золоченый двуглавый орел над нею. Цюрупа зябко поежился, вздохнул и, поправив сползавшее с плеча пальто, вернулся к столу. Первой в пачке только что принесенных бумаг лежала записка, напоминавшая, что рассчитывать на уфимский хлеб теперь, как видно, не приходится.

Кто-кто, а уж он-то, Александр Дмитриевич, знал, что такое нивы Уфимской губернии, до чего они благодатны. После потери Украины и Кавказа Уфимская губерния становилась важнейшей житницей Республики. Оттуда рассчитывали и надеялись получить несколько миллионов пудов зерна... «Надеялись!» — народный комиссар горько усмехнулся. — Уфа! Та самая Уфа, где проведены лучшие годы, где он встретил Машу, где родились их дети!.. Та Уфа, с которой связано так много, что, пожалуй, можно считать ее второй родиной... Именно там он стал соратником Ильича, который возвращался из сибирской ссылки, готовил выпуск революционной газеты «Искра», собирал силы будущей партии большевиков...

Ленин... Вся сознательная жизнь в партии Ленина, от ее рождения... Ленин не унывает, не опускает руки, что бы ни стряслось, а он вот, Цюрупа, раскис. Не-го-же! Возьмите себя в руки, товарищ А. Д.! Дела — хуже некуда, хуже не придумаешь... На юге, того и жди, будет потерян Баку — потеряна нефть. В Архангельске сформировано белогвардейское правительство. Это правительство поддерживают, ему помогают Великобритания, Соединенные Штаты — помогают пушками, солдатами, хлебом. Почти вся Сибирь с ее несметными запасами зерна, муки, масла — у белого адмирала Колчака.

Александр Дмитриевич порывисто встал, снова подошел к окну. Дождь все сыпал и сыпал. и не видно было ему конца, как не видно конца мучениям, выпавшим на долю твоих близких и товарищей, на твою долю: смерть за смертью, моря слез, моря крови...

«Голодные дети» — вот, пожалуй, самые страшные слова века. Голод! Против него есть только одно средство: хлеб. Но именно хлеб труднее всего добывать сейчас. Хлеба не хватает не только чтобы дать немного больше измученным четырьмя годами мировой войны людям — его нет даже для «поддерживающей нормы».

Тоже страшное слово: «поддерживающая».

Приходили и уходили люди, которые должны были превратить в дела его слова. Он говорил с ними, объяснял, что, где и как добыть, кому, куда отдать и отправить. Привычным росчерком распоряжался: «увеличить замес отрубей и мякины в хлеб до шестидесяти процентов», «отправить в Петроград подсолнечный жмых», «не использовать овес для кормления лошадей», а сам все думал, думал о Маше, о детях.

Его слегка мутило от голода, он свыкся с этим чувством в последние месяцы. Трудно вот было только по вечерам — перед ужином. И в это время он особенно часто доставал свои тяжелые часы, разочарованно смотрел на узорчатые тонкие стрелки, которые ни в какую не желали двигаться, и, сердито щелкнув серебряной крышкой, прятал обратно в карман.

Наконец желанный час наступил. Александр Дмитриевич привстал, чтобы продеть руки в рукава накинутого на плечи пальто и отправиться в кремлевскую столовую, но внимание задержала бумага, положенная поверх других. Это была телеграмма продовольственного комиссара из Вологды. Тот писал, что наперекор всем невзгодам производство масла в губернии про-

должается, и посылал в Москву под надежной охраной четыре вагона сливочного масла.

Несбыточно, как в сказке! Александр Дмитриевич потер ладони. Ему представилась кремлевская столовая. Там всегда тепло и сыро: пар, поднимающийся от мисок, котелков и тарелок, оседает на сводах потолка грузными каплями. За столами — народные комиссары, служащие Совета Народных Комиссаров и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, незнакомые люди — делегаты, ходоки. Обычно Александр Дмитриевич здоровается, идет к раздаче. Повариха выбирает тарелки получше: в одну наливает селедочный суп, в другую шлепает полчерпака пшенной каши. А хлеб? Хлеб давно уже съеден, с утра — вся норма. Александр Дмитриевич бережно ставит тарелки на чисто отскобленные доски стола, снимает фуражку, медленно погружает ложку и ведет ее, как сачок, вдоль узора по краям тарелки, подцепляет ржавый кусочек селедки, распаренный ломтик сушеного картофеля, морковную стружку. Ест не торопясь, ест молча, ни с кем не переговариваясь, так, что, наверное, окружающим кажется, будто он замкнутый, неулыбчивый, безразличный ко всему вокруг человек.

Покончив с последней капелькой супа, он вздохнет, сожалея, пододвинет следующую тарелку — ту, посреди которой грязновато желтеет каша. Тибор Самуэли, венгерский коммунист, повернется к молодой, совсем еще юной Лизе, секретарю Якова Михайловича Свердлова, и лукаво сощурится:

— Скажьите, пожьалуйста, — спросит он, стараясь казаться серьезным, — как следует говорить: «каша без ничего» или «каша без всего» или как-нибудь еще?

— По-моему, — оживится Александр Дмитриевич и так же лукаво глянет на венгра: — правильнее будет: «каша с ничем»!..

«Ну, конечно же! Конечно! — словно спохватившись, думал он теперь. — Обязательно нужно выделить пудов десять — двенадцать вологодского масла для кремлевской столовой! Хотя...»

Тут он вспомнил, как народный комиссар здравоохранения Николай Александрович Семашко жаловался ему, что голод буквально косит московских детишек, особенно в Симоновской слободе и на других рабочих окраинах Москвы.

«Вспомнил»? — не то слово. Он не мог это «вспомнить», потому что никогда, никогда об этом не забывал. Он знал это всегда, всегда мучился этим и работал, работал, чтобы этого не было.

«Кто не работает, тот не ест!» — провозгласила Революция. Хлеб выдавали по карточкам — кто больше работает, тому больше хлеба,

В базарной толпе оживленно и весело. Разговоры вокруг самые животрепещущие.

а кто не работает, тому ничего. Называлось это классовым принципом в распределении пайка. Но не кто иной, как он, Александр Дмитриевич Цюрупа, добился, чтобы классовый принцип в распределении продовольствия не касался детей: и дети богатых и дети бедных получали поровну, притом в первую очередь. Хлеб сейчас одинаково недоступен каждому, голод не разбирает, чей ты сын, чья дочь.

Подумав, Александр Дмитриевич решил: «Хватит с нашей столовой и шести пудов масла». Но опять ему вспомнился тот же нарком здравоохранения Семашко: «Сколько ни давай бинты и вату, раны бойцов месяцами не заживают. Пустяковые потертости ног превращаются в язвы, надолго выводят из строя тысячи красноармейцев, потому что не хватает главного лекарства — масла и мяса».

Александр Дмитриевич заколебался, будто заспорил с народным комиссаром здравоохранения: «Можем же мы хоть раз поесть по-человечески! И так уж меня товарищи «скупым рыцарем» зовут. Честное слово, масло и мясо не меньше им нужны, чем раненым...— тому же Ильичу, который работает по двадцать четыре часа в сутки... Ну, ладно. Хватит для Кремля трех пудов. Или даже двух?..»

Он еще помешкал, потом виновато оглянулся, точно товарищи по кремлевской столовой могли его видеть, и так же, стоя, не присаживаясь, наклонился, быстро-быстро написал красным карандашом поперек телеграммы из Вологды: «Все масло, до последней унции, — детям и раненым.

Наркомпрод А. Цюрупа».

* * *

Солнечный зайчик скользнул между шторами, осветил генеральский нос, мягко шибанул в глаза. Петр Николаевич потянулся, чихнул и приподнялся на постели. По теплому домотканому половичку подошел к окну, раздвинул занавески, глубоко вдохнул настоянный на степных травах воздух:

— Боже мой! Благодать-то какая!

Небо в легкой дымке тумана. Городские крыши тронуты росой. И над ними будто бы плывут золотые главы собора, отливают, отсвечивают, играют розоватыми бликами, багрянцем, бездонной синевой неба. Слева, поодаль от них, простирается луг, сплошь вспоротый черноземными шрамами рвов. За последние недели расстреляны ни много ни мало — четыре тысячи бунтовщиков, многие продотрядовцы, захваченные под Царицыном, где они добывали хлеб для Москвы и Питера, другие красные.

Конечно, все это, по мнению его превосходительства, правильные и необходимые меры, но смотреть на могильные рвы было не слишком-то

приятно генералу, и он поспешил перевести взгляд вправо. Где-то во-он там, на гордо взметнувшейся круче, высится памятник славному земляку донских казаков, легендарному покорителю Сибири. Там бронзовый Ермак Тимофеевич все так же, как и вчера, и в прошлом году, и в далеком детстве его превосходительства,— все так же протягивает сибирскую корону московскому царю. А еще дальше, за поросшим кустами займищем, спокойно течет к морю Дон.

Генералу сорок девять лет. Он вполне еще свеж, брав, розовощек. Не жалуется ни на сердце, ни на желудок, не меняет привычки.

Стол ломится от яств: тут и холодная телятина, и гусятина, и утятина, и курятина. Парное коровье молоко и козье. Сметана золотисто-теплого тона — ложка стоит! — и свежайший творог со сливочными прожилками. Домашний сыр и домашняя колбаса. Зеленый лук и первые, ранние, особливо хрусткие огурчики — дух на всю залу. Война не война — не скудеют донские степи.

Больше всего, однако, Петр Николаевич Краснов любит простой казацкий хлеб — высокий и пышный, как сама пшеница, породившая его, и ломоть сала, просоленного по-деревенски, с чесноком. Даже бравирует своей неприхотливостью:

— Я — солдат, и еда моя — солдатская.

Плотно позавтракав, он отправляется в кабинет, усаживается в удобное кресло, начинает перебирать газеты. Просматривает он их с особым удовольствием — с пристрастием и любовью, свойственными только причастным к нелегкому газетному делу людям. Сейчас генерал выискивает вести «оттуда» — с большевистского севера — так же ревниво и заинтересованно, как некогда он, военный корреспондент на русско-японской войне, искал на газетных листах свои первые сообщения о боях. Наметанный глаз его, быстро пробегая строки, не содержащие нужного, умело и легко выхватывает главное.

Развернута газета «Великая Россия». Так... Так... «Обязательные постановления Советской власти...» Та-ак. «Ограбление народного комиссариата земледелия...» «Пожар на Казанском вокзале в Москве. Взрывы вагонов со снарядами...» «Пароходное движение по Волге приостановлено. Грузы подвергаются опасности разграбления, что уже и было с пароходом «Суворов»... Хм! «Что уже и было»! Оч-чень интересно! Идем дальше. Ага! Вот: «Из Москвы сообщают. На Тихвинской улице, в доме сорок восемь, повесился от голода тринадцатилетний мальчик Михаил Кошелев...» Весьма, весьма любопытно! Поразмыслив некоторое время, он схватился за колокольчик, позвонил. Вошел подтянутый, наутюженный адъютант.

— Будьте добры, голубчик, пригласите ко мне полковника Мамонтова и генерала Фицхелаурова.

Через несколько минут вошли полковник и генерал. Поздоровались, вытянулись по уставу против широкого рабочего стола.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, господа. Без церемоний.

— Позвольте полюбопытствовать, — не дав хозяину рта раскрыть, приступил к нему нагловатый, никогда не дающий забыть о силе его кавалерийских дивизий Фицхелауров, — позвольте полюбопытствовать, Петр Николаевич, когда предполагается наше решительное наступление на Царицын?

— Надо еще хорошенько подумать, голубчик... Не зря, полагаю, молва окрестила Царицын «Красным Верденом»?

— Чего ждать? — вспыхнул полковник Мамонтов. — Мои казаки рвутся в дело. Занятие Царицына соединит нас с Колчаком, создаст общий фронт от Волги до Дона. Позвольте, ваше превосходительство, я его с налету возьму, этот «Красный Верден». Разрешите только!

— Не горячитесь, голубчик! Не увлекайтесь. — Краснов, улыбаясь, как бы попридержал Мамонтова. — Не в этом сейчас главное, господа. Я вас позвал вовсе не за этим. Хотя, кстати, уж коль разговор зашел, замечу, что переоценка собственных сил никому еще и никогда не помогала выигрывать сражения и тем более кампании. Теперь — к сути дела. Получено важное известие из Москвы.

— Из Москвы?!

— От кого?..

— Вот. Пожалуйста. — Краснов протянул им газету.

— «Правда»?! — Мамонтов изумился и скривил чистое круглое лицо так, что пушистые холеные усы вздыбились. — Старая окопная знакомая, век бы ее не читать!

В тон ему Фицхелауров обиженно вздохнул:

— Ох, немало она нам кровушки попортила во время мировой войны! — Зло передразнил: — «Мир — народам, земля — крестьянам, фабрики — рабочим»... Расхлебывай теперь!

— Н-да-а, — Краснов задумчиво усмехнулся, — главная большевистская газета...

Мамонтов слегка повернул газету на столе: поудобнее, принялся читать вслух громко, словно команды отдавал на плацу:

— «Немецкий генерал Эйхгорн подал руку русскому генералу Скоропадскому, а Скоропадский подал руку казачьему генералу Краснову. И три генерала, поддерживаемые германскими штыками, душат...» — Он осекся и смущенно взглянул на Краснова.

Тот развел руками:

— Что поделаешь? Ведь написано. — Отвел взгляд. — Видимо, это и останавливает генерала Деникина, когда мы предлагаем ему объединиться с нами.

— Что «это»? — не понял Фицхелауров.

— Наша ориентация на немцев, наше сотрудничество, даже дружба с немцами, которые, можно сказать, только вчера были нашими противниками в мировой войне.

— Ручки боится испачкать! — Мамонтов словно выругался.

— Экая чистюля этот Деникин! — подосадовал и Фицхелауров. — Разве выбирают, с кем тушить пожар, когда дом горит?

— Господа! — Краснов не на шутку рассер-

дился, вспылил: — Господа! Что за детские рассуждения? Какая наивность! Ребячество! При чем здесь «чистюля», «ручки испачкать»? Просто англичане и французы, наши недавние союзники в войне, на которых ориентируется Антон Иванович, дают ему, Антону Ивановичу Деникину, его армии больше. По слухам, обещают прислать даже танки.

— Даже танки?!

— А вы как думали? Гражданская война заворачивается всерьез — весьма и весьма всерьез. Плюс интервенция, как явная, так и скрытая — шпионы, агенты, всевозможные миссии «с благотворительными целями». Но главное, что я хотел вам сказать, не в этом. Главное... — Он распрямился, принял строго официальный вид. — Господа! Я вижу на ваших лицах недоумение и посему должен заключить, что с детства вы не уделили достаточного внимания поэзии российской. Иначе мне бы не пришлось напоминать вам стихи Некрасова о том, что в мире есть царь. Этот царь беспощаден. Голод — названье ему. Царь-голод, господа, — оружие пострашнее пушек, танков... Прошу вас обратить особое внимание вот на это сообщение в главной большевистской газете, подписанное не кем-нибудь, а самим Ульяновым-Лениным.

Мамонтов и Фицхелауров приникли к первой странице «Правды», где карандаш генерала Краснова уже выделил густой рамкой Постановление Совета Народных Комиссаров о том, что в Царицын для руководства всем продовольственным делом на юге России назначается Чрезвычайный Комиссар, которому все обязаны подчиняться беспрекословно — и гражданские и военные.

— Как видите, господа, Царь-голод не дремлет, — генерал Краснов улыбнулся. — Его посланник уже в Царицыне. Большевистский министр продовольствия Цюрупа строит на том хлебе, что добудет Чрезвычайный Комиссар, весь летний план снабжения... — Он многозначительно умолк, давая собеседникам прочувствовать всю важность сказанного. — Не случайно же Ульянов — сам Ленин! — заботится о том, чтобы немедленно были приняты меры для охраны железнодорожных линий от Кубани и Дона к Царицыну.

Краснов подошел к огромной карте юго-востока России, висевшей на стене, и отдернул легкую штору.

— Ясно как божий день! — перебил его Фицхелауров. — По этим линиям кубанский и донской хлебушек они хотят перекачать в Царицын, чтобы оттуда...

— Вот именно. — Краснов одобрительно и сочувственно кивнул. — Неплохо бы, кстати, оповестить об этом наших казачков-станичников. И о том, что по линии Царицын — Поворино предполагаемый хлеб должен переправляться в Москву, Питер и другие, так сказать, очаги революции. Неплохо, знаете, придумано! — перебил сам себя генерал, нагнул голову, прищурился, будто оценивая противника и собираясь его боднуть. — Неплохо. В создавшемся положении это для них самое мудрое. — Он понизил голос до драматического шепота, поднял указательный палец, оглянулся, как бы опасаясь, что его подслушают. — Вы понимаете меня, господа? Хлеб должен пе-ре-прав-лять-ся...

— Но вы же сами, ваше превосходительство, полагаете, что вряд ли у нас хватит сейчас сил, чтобы взять Царицын, — засомневался Фицхелауров.

— А зачем нам его брать? — Краснов глянул на Мамонтова и тут же поправился: — То есть мы его возьмем. Непременно. Конечно! В свое время, когда груши поспеют, чтобы упасть, как любил говаривать Наполеон Бонапарт. Но пока... Господа, взгляните на карту. Это же как раз тот, к сожалению, нечастый случай, когда вполне оправдывается девиз «с нами бог». В самом деле, чтобы господин-товарищ Цюрупа получал от своего Чрезвычайного Комиссара хлеб, нужно, чтобы все линии — поставляющие и особенно линия на Москву — действовали бесперебойно. А чтобы господин-товарищ Цюрупа не получал ни крошки, достаточно перерезать только одну линию. Вот эту, от Царицына к центру, ну, скажем, здесь. — Красивый чистый палец генерала Краснова остановился возле крошечного кружочка с надписью «Алексиково».

* * *

— Алексиково... — повторил Ленин, отошел от карты, закрывавшей стену между дверями в коридор и в зал заседаний Совета Народных Комиссаров. — Станция Алексиково... — Он снова подошел к карте, снова впился взглядом в кружочек, название которого никому ничего не говорило еще неделю назад.

Александру Дмитриевичу показалось, будто спина Ильича ссутулилась, сникла. Конечно, и он голоден, как нарком продовольствия, как все или почти все в Москве. На столе — телеграмма Чрезвычайного Комиссара:

«От Алексикова к северу казачья кавалерия сняла нашу пехоту и отобрала орудия. Железная дорога прервана. Хлеб направляем обратно в Царицын».

Еще и еще раз перечитав телеграмму с каким-то необъяснимым, нелепым интересом, Александр Дмитриевич поднял взгляд и представил: вот так же, как они с Лениным, — с тревожной надеждой и отчаянием — смотрит на кружочек станции Алексиково вся оставшаяся внутри кольца фронтов Россия. Нет, не вся. Кое-кто смотрит со злой радостью, с упованием. И ему невольно вспомнилось, как совсем недавно, проезжая мимо Сухаревской башни, он попросил шофера остановиться.

Ему вдруг так захотелось побродить по базару. Еще с юности Александр Дмитриевич любил базары — любил их неукротимое движение, хлесткий говор, пестрое многолюдство, яркую россыпь товаров, по которой всегда можно узнать, как и чем живет округа, съехавшаяся торговать.

Сухаревская толкучка сразу обдала его, так

сказать, духом времени, представила множество «обломков» старого мира. Мальчишка-торговец с лотком покрикивал:

— Только для пролетариев! Царские папиросы «Ира»! Из последних запасов самого Николашки номер два, императора-самодержца всероссийского, царя польского, великого князя финляндского и прочая, прочая, прочая... Налетай — не зевай, хватай — не опоздай! — И приплясывал «барыню» на манер новомодного фокстрота.

Возле торговых рядов примостились монахи с корзинами, разложили на чистеньких тряпицах белые булки, сливочное масло, табак. Были у них и шоколад известной фирмы «Эйнем», и колбасы домашние, и настоящее малороссийское сало — розовое, с мягкой, лоснившейся на солнце шкуркой.

— Пожалуйте, пожалуйте, ваше сиятельство! — зазывали монахи и обтрепанную цыганку, и китайца из прачечной, и отставного генерала, и Александра Дмитриевича, и штатских с военной выправкой, которых здесь было подозрительно много.

Александр Дмитриевич искоса взглянул на бумажки, которые, как флажки, трепетали на палочках, воткнутых возле продуктов: «Ну и цены на черном рынке! Фунт хлеба — почти половина моего жалованья за месяц. А рабочий получает только чуть больше меня...»

В базарной толпе оживленно и весело. Разговоры вокруг самые животрепещущие:

— Слышали? Объявлена регистрация ценных бумаг.

— Значит, надо скупать.

— Полагаете?

— Безусловно! Вон генерал Краснов-то уже!.. Вы что, с луны свалились?

— Почем червячки для рыбок?

— Шестьдесят рублей фунт.

— Разорение! Хоть выбрасывай аквариум.

— Ничего, мадам. Скоро подешевеют. Скоро все станем кушаньем для червей, как сказал Гамлет — принц датский.

— Не забыли — завтра состязания — полуфинал?

— До того ли в нынешнюю пору?!

— Ну уж это вы зря, мамочка! Я, например, помирать буду, а на футбол притащусь.

— А вот кто забыл купить рыболовные крючки? Крючки рыболовные — самоловные. В наши дни рыбная ловля не развлечение, но спасение от голодухи.

«В самом деле». — Александр Дмитриевич усмехнулся, вспомнив, как много удильщиков сидит сейчас от зари до зари по берегам Москва-реки и Яузы.

— Норвежские крючки — не нужны червячки!

— А вот вафли — слаще меда. Фабричная упаковка, пять рублев — дешевка.

— Знаем ваши вафли! Надысь принесла домой, развернула, а там щепки... «Фабричная упаковка»! А ну, давай отседа, а то враз по шеям да взашей...

От края до края площади — платья, обувь, старая мебель, снедь. Разнообразие товаров удивительное, и покупатель находился на все, даже на бриллиантовые сережки за семь тысяч! И развлечений вдоволь: Петрушка, приодевшийся на сей раз в шинель красноармейца — в полном согласии с требованием момента, гадалка с морской свинкой, что всего лишь за рубль предсказывает светлую судьбу, игроки-картежники: «Кому полфунта счастья?».

Казалось, уже устал удивляться — и все-таки Александр Дмитриевич был поистине поражен тем, что увидел вдруг возле обочины тротуара. Там, сидя на каменных плитах, расположился торговец с большой бельевой корзиной. Подвернутый фартук, смазные сапоги, выгоревший и слинялый картуз. Видно, что нездешний, похож на деревенского кузнеца.

— Издалека? — спросил Александр Дмитриевич.

— Курские мы.

В корзине у торговца — хлебные куски навалом, гора обрезков. Черствые. «Черствый хлеб сытнее, в нем меньше воды», — невольно подумал Цюрупа, подумал с основательным, по себе самому, знанием. Там был хлеб разных сортов. Александр Дмитриевич давно уже не видал такого: добрый, ржаной, испеченный в русской печке на капустном листе, со следами угольков и золы на зажаристой нижней корочке, ситный, пеклеванный, пышные пшеничные горбушки, даже краешек кулича вызывающе глядел изюмными глазками.

— Почем торгуем?

— Разно. Энтот вот ломоть — пятнадцать рублев, тот — двадцать пять, энта краюха — сорок три, как отдать.

— Чего ж так дорого?

— «Дорого»?! Да ты что? Нешто энто дорого по нонешней-то поре? Чудак-человек! Прошлый раз я до Питера добрался — вот там да! Там, я тебе доложу! Эдакий вот кус — полсотни, а то и вся сотня! «Дорого»!.. Видал бы ты меня здесь, кабы не заградительные отряды тамошние: наркомпрод чертов! Ни умаслить его, ни обойти — лютует.

— Откуда ж у тебя столько кусков?

— Да то, видишь, — охотно объяснил торговец, — у нас в Курске компания подобралась, ну, вроде как бы нищих. Вот они, значит, нанимают мужиков, которые посправнее, вроде меня, возить, значит, куски в голодные края.

— Н-да-а, коммерция, ничего не скажешь... — Тут же Александр Дмитриевич возразил себе: «Как это ничего не скажешь? А ты выскажись, оцени по достоинству такую коммерцию в такое время. Кровососы! Изо всех щелей повылезли. Народное бедствие для них барыш. Нет, не высказываться надо. Разве словами такого проймешь? Надо крутые — самые крутые меры принимать против спекулянтов-мешочников. И кому принимать, как не тебе, продовольственному диктатору, стоящему во главе всех заградительных отрядов? Так что рассматривай присутствие этого коммерсанта здесь как крити-

ку в свой адрес за упущения в работе. Вон как высоко он оценивает действия твоих питерских отрядов. А в Москве пока что слабина — спекулянтам привольнее...»

Александру Дмитриевичу вдруг неудержимо захотелось взять для дочери вон хотя бы тот сухарь. Он машинально притронулся к куску кулича, но тут же смущенно оглянулся: ничего не скажешь, хороша картинка — народный комиссар продовольствия покупает на Сухаревке христорадный хлеб, спекулянтов черного рынка поддерживает!.. Словно обжегшись, отдернул руку от такого аппетитного, такого манившего к себе куска.

Торговец расценил это по-своему:

— Чего лапать было, коли денег нету? Хлеб все ж таки!..

«Что справедливо, то справедливо. — Александр Дмитриевич заколебался. — Хлеб уважать надо. Но... Все равно. Все равно! Нет, не унижусь до твоего хлеба. Не хо-чу!» — Резко повернулся и, совершенно расстроенный, поспешил к машине.

Сейчас, когда все это пронеслось у него в памяти, он взглянул на Ленина, по-прежнему стоявшего у карты, и подумал с досадой и горечью: старая Россия, которую, кажется, опрокинули в октябре прошлого года, — старая Россия жива, здравствует и красуется. Она всюду — в спекулянтах и жуликах, в наглеющих с каждым днем бандитах и царских офицерах, затаившихся до прихода белых, в едином фронте от курского побирушки, богатеющего на голоде, до генерала Краснова, перерезавшего главную артерию Революции.

Как устоять? Как выдержать?

А Ленин тем временем все будто бы искал и искал на карте ниточку дороги от Царицына к Москве. Александр Дмитриевич, осторожно сту-

Усталый до изнеможения, Александр Дмитриевич возвращался в гостиницу...

пая, пошел к двери. Однако именно в этот момент Ленин повернулся к нему и спросил в упор:

— Что вы предлагаете делать?

Давно и хорошо знал Цюрупа Ильича. Знал, что он в трудный час может подсказать решение, до которого, глядишь, и не додуматься бы. В то же время он не спешит выкладывать свое мнение. Умеет слушать и слышать других. Любит советоваться.

Спокойно, без паники, он хотел решить очередную революционную задачу. Такую же трудную и, кажется, неразрешимую, как все революционные задачи. Но он, Ленин, привык к тому, что неразрешимые задачи в конце концов удается решить. Поэтому сейчас он собрался просто, буднично, по-деловому заставить своего товарища и сотрудника поработать — пошевелить мозгами.

От ровного тона Владимира Ильича, от его уверенности Александру Дмитриевичу стало вроде полегче. Он подошел к просторной карте, пристально всмотрелся в нее и тут же вспомнил все свои недавние опасения на тот случай, если окажется прерванным железнодорожное сообщение с Царицыном:

«Это просто как дважды два. Это единственно возможный выход. И наверняка Ленин уже принял именно это решение. Но зачем же тогда он спрашивает? Обычная для него манера еще и еще раз выверить свои выводы тем, что возразит собеседник... Нет, опаснее всего не обстоятельства, а ты сам, если теряешь голову в этих обстоятельствах».

— Что делать? — переспросил Цюрупа. — Я уже прикидывал, Владимир Ильич. По-моему, вот так... — Палец его поплыл от Царицына вверх по голубой ленточке Волги.

— Водой? — Ленин подступил к нему. — А куда? Самара исключена, там бои. Сызрань также отпадает, по той же причине. Остаются Саратов и Камышин — две более или менее надежные точки соприкосновения Волги с железными дорогами на Москву.

— Думаю, что Саратов будет вернее: дорога Саратов — Тамбов дальше от Краснова.

— Но зато она ближе к Колчаку.

— В Саратове большой порт, Владимир Ильич.

— Думаете, там быстрее смогут принять и переправить всю эту уймищу хлеба?

— Об этом я позабочусь, Владимир Ильич, но...

— Да. Я внимательно слушаю вас. Что за «но»?

— Плавание по Волге сейчас небезопасно.

— Значит?

— Необходима надежная охрана буксирных пароходов и барж с хлебом.

— А об этом я позабочусь. Всего хорошего! Действуйте, дорогой Александр Дмитриевич. Действуйте.

Уходя от Ленина, он еще раз отметил, что не случайно одно из наиболее любимых, часто употребляемых Ильичем слов — «действуйте».

Целый день до позднего вечера Александр Дмитриевич действовал — звонил на пристани, слал телеграммы представителям народного комиссариата продовольствия на Волге, требовал, чтобы дополнительно были подготовлены буксиры, баржи, паровозы, вагоны. Подбирал и тут же — немедля! — отправлял самых надежных, самых стойких товарищей в те места, которые через несколько дней наверняка окажутся решающими.

Усталый до изнеможения вернулся он в небольшой скромный номер гостиницы «Националь», которая теперь называлась «Первым домом Советов». Здесь после переезда из Петрограда разместились многие советские учреждения и члены большевистского правительства.

Валя, видно, уже давно спала, уютно устроившись на кожаном диване, укрывшись пледом и свернувшись калачиком.

Стараясь не разбудить ее, Александр Дмитриевич снял пиджак, повесил аккуратно на «плечики», спустился по лестнице на этаж, набрал в медную кружку кипяточку из доброго самовара, который сиял в коридоре еще с гостиничных времен и всегда попыхивал с радушной готовностью.

Ни хлеба, ни чая, ни тем более сахара не было.

Александр Дмитриевич разулся, разделся и, что называется, рухнул в кровать. Который же теперь час? Как бы в ответ из негустой летней темноты за распахнутым окном ударил колокол на храме Христа Спасителя. Ровно полночь.

Полночь... Каков же итог прожитого дня и что принесет новый?

Не спал и Ленин: в этот ночной час еще длился его рабочий день. Мягко и тепло падал на письменный стол свет от лампы под зеленым абажуром. Стремительно рождались и бежали, бежали по листу бумаги строки:

«О голоде.

Письмо к питерским рабочим

Товарищи! У меня был на-днях ваш делегат, партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Мы все знаем, что в целом ряде промышленных губерний продовольственное дело стоит так же остро, голод так же мучительно стучится в дверь рабочих и бедноты вообще.

А рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами. Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе...»

Ленин поднялся, стремительно зашагал по кабинету.

Не проходит недели — дня! — чтоб Совет Народных Комиссаров, прежде всего его Председатель не беспокоились бы, не заботились, не хлопотали о хлебе. Исстари говорят: хлеб —

судьба народа. Ныне добавилось: и Революции.

Ему представился такой близкий, такой дорогой и родной с юности, со времен основанного им «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Петроград. Сейчас как раз пора чарующих, сказочных белых ночей. Не до гуляний теперь. Все двадцать четыре часа питерских суток — сплошная «белая ночь». С восьми часов вечера улицы пустынны, люди сидят по домам, стряпают лепешки из кофейной гущи, котлеты из картофельной шелухи. Недавняя столица величайшей империи мира будто вымирает. А наутро ее улицы «оживляют» очереди-хвосты, выстраивающиеся от булочных, да лошади-одры с телегами, на которых некрашеные тесовые гробы, и среди них немало совсем маленьких...

Ленин вернулся к письму так, словно спешил на помощь товарищам-питерцам, и продолжал:

««Кто не работает, тот да не ест» — это понятно всякому трудящемуся. С этим согласны все рабочие, все беднейшие и даже средние крестьяне, все, кто видал в жизни нужду, все, кто жил когда-либо своим заработком. Девять десятых населения России согласны с этой истиной. В этой простой, простейшей и очевиднейшей истине — основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы.

Но в том-то и суть, что одно дело — расписаться в согласии с этой истиной, побожиться, что разделяешь ее, губами признать ее, другое дело — уметь провести ее в жизнь. Когда сотни тысяч и миллионы людей мучаются от голода (в Питере, в неземледельческих губерниях, в Москве) — в стране, в которой миллионы и миллионы пудов хлеба прячутся богачами, кулаками и спекулянтами, — в стране, которая зовет себя Социалистической Советской Республикой, — тогда есть над чем серьезно и глубоко пораздумать всякому сознательному рабочему и крестьянину.

«Кто не работает, да не ест» — как провести это в жизнь?»

Снова он поднимался и ходил, прикидывая, взвешивая дальнейший ход мыслей. Снова возвращался за стол и вновь прерывал работу. Вот он выглянул в окно, глубоко втянул густой и легкий воздух летней ночи. Как хорошо! Спит Вселенная... Земля... Человечество... «До чего ж вы мне дороги, люди, с вашими заботами, с вашими горестями и радостями, до чего интересны! Так хочется, чтобы вы стали умными, сильными, бесконечно счастливыми! И, между прочим, чтоб у каждого труженика был бы добрый кусок доброго хлеба...»

Вдруг так явственно, так четко возникли перед ним лица финнов-рабочих, что прятали, спасали его и в девятьсот пятом — шестом и, кажется, вчера — в семнадцатом. Тоже голодают сейчас. Как бы, чем бы им помочь? Всем, всем надо помочь! Всем добрым людям хочется помочь! И особенно германским рабочим. Обязательно — наверняка скоро свергнут своего императора, и так же, как русская, немецкая буржуазия будет душить революцию костлявой рукой голода. Но голодающие рабочие Москвы, Питера, Иваново-Вознесенска придут на выручку, поддержат немецких братьев, отрывая от себя последнюю — бесценную! — кроху хлеба. Так будет. Он, Ленин, верил — нет, не верил, а знал, что так будет. Иначе не стоило бы страдать в тюрьмах, проваливаться под лед, скрываясь от ищеек царя, месить сибирскую грязь, шагая в ссылку, — вообще иначе и жить бы не стоило!

Нет, не только нашего, российского, социализма судьба решается — речь идет о будущем, о счастье миллионов и миллионов — обо всей планете с прилегающими окрестностями Вселенной.

Он кинулся к столу и теперь писал, не отрываясь, в том раскованно-свободном порыве, когда рука его летела, едва поспевая за мыслью:

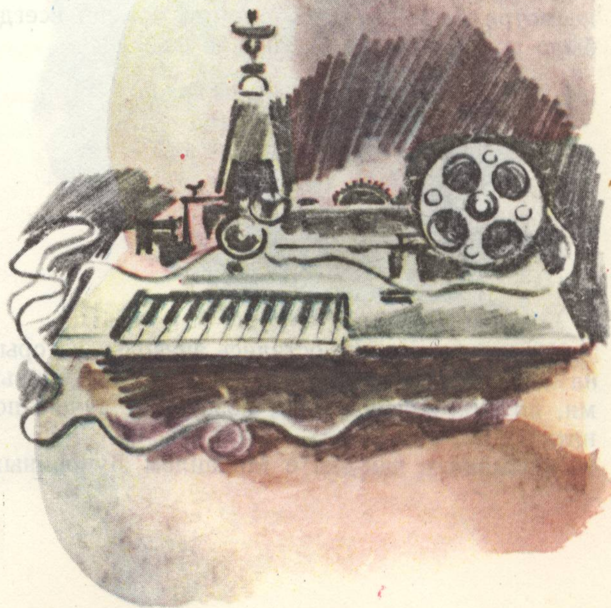
«Либо сознательные передовики-рабочие победят, объединив вокруг себя массу бедноты, установив железный порядок, беспощадно-строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата, заставят кулака подчиниться, водворят правильное распределение хлеба и топлива в общегосударственном масштабе; либо буржуазия при помощи кулаков, при косвенной поддержке бесхарактерных и путаных людей (анархистов и левых эсеров) сбросит Советскую власть и водворит русско-немецкого или русско-японского Корнилова, который несет народу 16-часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, расстрелы массы рабочих, пытки в застенках, как в Финляндии, как в Украине.

Либо — либо.

Середины нет.

Положение страны дошло до крайности.»

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Наверное, бывают в твоей жизни минуты, когда хочется поговорить с человеком, который многое видел и пережил, многое знает, поговорить с мудрым собеседником.

Мы хотели бы привести в твой дом, отряд, в твою жизнь людей, которые достойно прошли большую жизнь. В их судьбе — история страны.

Эти люди передадут тебе эстафету памяти — прими ее с благодарностью.

ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ — так мы решили назвать нашу новую рубрику.

Пусть эпиграфом к ней послужат слова выдающегося советского поэта Михаила Кузьмича Луконина:

В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой.
Но лучше прийти с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

В канун 35-летия Победы над гитлеровской Германией мы приглашаем на страницы нашего журнала ветеранов Великой Отечественной войны.

Сегодня с тобой говорит поэт, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, главный редактор журнала «Новый мир» Сергей Сергеевич НАРОВЧАТОВ.

«ВПЕРЕКОР ВОЙНЕ»

Наше поколение очень рано повзрослело. Нам не минуло еще и двадцати пяти лет, когда мы должны были решать громадную историческую задачу: отстоять свою Родину, разгромить фашизм. И ее невозможно было бы решить, если б у каждого из нас не родилось ощущение слитности с народом, со всей страной. Причем ощущение это рождалось не в заревах побед, а в дни тяжелых испытаний, которые пришлось пережить каждому из нас.

Из войны мы вынесли веру в несокрушимость и силу нашей страны. Я вспоминаю, что где-то в ноябре 1941 года в глубине России мы спорили о том... как вести себя, когда войдем в Германию. Спор был жаркий, горячий, и можно было подумать, что мы находимся уже в трех километрах от Берлина.

Оптимизм помогал рождаться на войне поэзии, и не случайно военное поколение до сих пор занимает прочное место в нашей литературе. Все эти поэты глубоко своеобразны, о них можно многое сказать. О своем творчестве говорить, безусловно, труднее, но мне кажется, что, несмотря на кровь и на смерть, у меня всегда было романтическое ощущение войны.

Но через кровь и через грязь
Простой цветок земной
Невыносимою для глаз
Сиял голубизной.
И, словно вызов и укор
Надломленному мне,
Он цвел и смерти вперекор
И вперекор войне.

И в памяти у меня остались эпизоды, которые на первый взгляд могут показаться нетипичными, но они, мне кажется, позволяют лучше понять войну.

Вспоминаю, как мы с Михаилом Лукониным выходили из окружения брянскими лесами. В один из дней, уже к вечеру, страшно усталые, в сапогах, облепленных грязью, мы стоим в строю, а строй-то всего человек двадцать. Батальонный комиссар Никитин, который командовал тогда нашим отрядом, выходит вперед: «Необходимо идти в разведку. Желающие, шаг вперед». Неохота идти ужасно, и не потому, что страшно, просто одно есть желание — нарубить еловых веток и спать завалиться. Тогда Никитин, прохаживаясь вдоль строя, говорит: «Поручик Лермонтов был **храбрым** офицером». И ударение делает на слове «храбрым». Потом останавливается и опять: «Штабс-капитан Толстой был **храбрым** офицером». Мы с Лукониным сделали шаг вперед...

Память фронтовиков хранит множество дорогих для нас эпизодов. И я считаю, что юные следопыты занимаются очень благородным делом — воскрешением памяти войны.

Каждый год я отдыхаю в Крыму, в Планерском. Планерское — это место высадки десанта моряков в 1941 году. Десант был уничтожен фашистами, на месте его гибели поставлен хороший памятник. Но имена десантников до сих пор неизвестны. Это — тоже дело для юных следопытов.

Я хочу посоветовать красным следопытам: читайте стихи поэтов-фронтовиков! Уже несколько изданий выдержала книга «Имена на поверке», в которой собраны стихи поэтов, погибших на войне. Военная поэзия поможет ощутить атмосферу того времени, понять и почувствовать ту, далекую уже для вас, эпоху.

Недавно была опубликована моя новая поэма, «Фронтовая радуга». Мне хотелось сказать в ней именно о нравственной стороне войны, о том, что помогло нам выстоять и победить. Я хочу познакомить читателей «Пионера» с отрывком из этой поэмы.

С. С. Наровчатов.
Фотография военных лет.

ФРОНТОВАЯ РАДУГА

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Под вражеским хутором Хи́лики-два
Впервые я подал в партию,
Но выбил финский февраль едва
Не всю нашу ротную братию.

Не вышел из этого дела толк,
Но причины были простительны:
Погиб на озерном льду парторг,
Погибли мои поручители.

По срывистым тропам обрывистых лет
С отрога и до отрога
Вот так меня вел комсомольский билет,
До партийного вел порога.

Прицельный на Невский ложился снаряд,
И в орудийном дыме
Ледяной и голодный вставал Ленинград
Октября непокорной твердыней.

Мое поколенье мужало в борьбе,
И не было выше награды
Назвать себя членом ВКП(б)
После прорыва блокады.

По всем континентам круглой Земли,
Куда бы ни шел по свету я,
В десятилетия годы текли,
Партийному слову следуя.

И я до конца бороться готов
За бесконечное дело,
Где стажа тридцать с гаком годов,
Как тридцать дней, пролетело...

Рисунок Д. БАРАБАША.

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ

«ХОЧУ» и «НАДО»

Внимание!
Внимание!
На страницах журнала «Пионер» открывается дискуссионный пионерский клуб «За и против».
Приглашаем всех ребят, все пионерские отряды, дружины и штабы — всех, кто имеет свое мнение и хочет научиться его высказывать, всех, кто не привык оставаться равнодушным и прятаться за спины товарищей, и тех, кто пока еще робок и нерешителен в своих суждениях, тоже приглашаем.
Приходите!
Предлагайте тему разговора — острую, волнующую вас и ваших друзей, спорьте, отстаивайте свою позицию, думайте вместе.
Итак, кто «за», кто «против»?
Надеемся, воздержавшихся не будет.

Этот разговор — со спорами, сомнениями, случаями из жизни и выводами — состоялся в морском корреспондентском отряде «Каравелла», который работает в городе Свердловске.

Об этом разговоре рассказывает командир отряда — писатель, лауреат премии Ленинского комсомола **Владислав Петрович КРАПИВИН.**

Как это начиналось...

В нашем отряде есть свой устав. В первом пункте написано: «Ветер и волна не прощают никаких ошибок, и во время шквала учиться поздно. Учись морскому делу заранее». Этот пункт сразу же разъясняют всем новичкам. Без него нельзя: что-нибудь не усвоишь зимой — летом это может обернуться аварией. Пострадают и сам виновник, и товарищ, и судно. Поэтому с посещением занятий у нас строго. И если кто-то из новичков за минуту до построения не пришел (со «старичками» такого не бывает), командир экипажа нервничает.

Вот и сегодня:

— Димы Стражкова нет. Что случилось?

Новичок Димка влетел за несколько секунд до команды «экипажи — в линию». Он был без формы и, кажется, собирался пустить слезу.

— Зашел в пионерскую, а вожатая спрашивает: «Ты кто в отряде?» Я говорю: «Флаговый...» А она: «Вот и хорошо! Будешь ассистентом у знамени, а то ассистента сегодня нет. Сейчас пойдете учиться маршировать...»

У наших ребят, как говорится, глаза на лоб. Ассистент у знамени — такая должность! Это заслужить надо. Надо, чтобы ребята доверили, чтобы выбрали. А тут забежал случайно — и становись...

— Я говорю: «Не могу, у меня занятия в «Каравелле». А она: «Ничего не знаю... Там у тебя личное дело, а здесь общественное, пионерское».

— Вот это да! — разозлились ребята. — У нас, значит, дело не пионерское!..

— Просто я доказать ничего не мог. Она говорит: «Свое х о ч у нужно подчинять общественному н а д о».

Тут Юра Кондратьев, командир яхты «Д'Артаньян», капитан-инструктор «Каравеллы», двумя-тремя фразами разгромил эту точку зрения, потому что высокими словами про «общественную» деятельность нельзя прикрывать неумение работать. И нарушать пионерское самоуправление тоже нельзя. Потом он принялся объяснять Димке суть настоящих «хочу» и «надо». И так увлекся, что потерял бдительность. А в это время к собеседникам походкой рыси подобралась Лена Орлова — главный и бессменный редактор каравелльской газеты «Бейдевинд».

— Юрочка... — пропела она. — Как здорово! Напиши заметочку на тему «Хочу» и «надо». А то у нас в последних номерах одна хроника.

Юра поперхнулся, но было поздно. Редактор Е. Орлова обладает железной хваткой и несгибаемой волей, когда дело касается газеты.

Юрина заметка

Свой корреспондентский материал Юра принес через два дня. Лена тут же зачитала его вслух — в присутствии капитанской группы и двух основных экипажей, которые собрались на занятия фехтовальщиков.

По-моему, стоит привести эту заметку целиком, в точности, как она написана.

«Хочу» и «надо»

Этими двумя словами, по существу, можно определить все наши поступки, все наши дела. В жизни очень часто сталкиваются два эти иногда совпадающие, а иногда совершенно противоположные слова.

Мы школьники, и потому «хочу» и «надо» сталкиваются у нас именно в школьных делах.

С самого начала дня уже возникает противоречие: в школу идти надо, а вставать с постели не хочется. А в школе надо работать, а желание тоже есть не всегда. На уроке очень хочется поговорить с товарищем, а не надо...

Конечно, не у всех и не всегда такие проблемы — у многих их просто не возникает, потому что идти в школу, учиться — для них радость. «Хочу» и «надо» сливаются тогда в одно целое.

Однако не всегда нужное совпадает с нашими желаниями, с нашими «хочу». И тогда человек должен уметь преодолевать все «хочу» и делать то, что «надо»...

Но всегда ли «надо» так уж нужно, так обязательно? Иногда оно превращается просто в формальность. Когда вожатая хватает на бегу пионера, дает ему задание, не разобравшись в его делах, в его интересах, в его занятости, она свое «хочу гладко провести мероприятие» прикрывает словами «надо вести общественную работу». Или взять хотя бы требование коротких стрижек у школьников. Неужели действительно надо, чтобы в школе ходили мальчики с торчащими из-под коротких причесок ушами?

Всегда надо уметь совмещать свое «хочу» и «надо» (если оно настоящее), будь то в школе, дома, на работе. Многие на свою работу смотрят только как на «надо», без «хочу». А в работе должны быть и необходимость и желание. И наша работа — занятия в школе — это тоже и «хочу» и «надо»...

Народ у нас в «Каравелле» языкастый. Но тут иронических замечаний и добавлений к заметке не последовало. Только Володька Локтин произнес:

— Умные мысли приятно слушать... — Но за внешней усмешкой была серьезность.

А четвероклассник Сережа вдруг заспорил:

— Тебе говорят «надо», «надо», а ты подумал, кому это надо? Прежде, чем что-то делать, нужно подумать еще: правда ли это надо кому-нибудь или просто так...

— Об этом у Юрки тоже написано, — возразил Сережа.

— Там мало написано, надо подробнее! Потому что если по-настоящему «надо», то и делать приятно. Нам вот задали в школе набрать природного материала в лесу, а мне в лес всегда ходить нравится...

— Здорово рассуждаешь! — сказал шестиклассник Коля Боднар. — А если что-то не хочется, а все равно нужно? Бывает дело самое тяжелое и неинтересное, а оно необходимо людям. Тогда что? Тут вопрос «хочу или не хочу?» даже стоять не должен! А помните, как в нашем уставе сказано? «Иногда будет очень трудно и очень неинтересно...» Значит, тяжелые будни, упорные занятия, борьба со своей усталостью, с чужой завистью и глупостью...

— И со своей, — вставил кто-то.

— Ну и со своей... А ко-

Максим Шарнин:
— Кто «за», кто «против»? У каждого человека должно быть свое мнение. Надо научиться его высказывать.

Антон Бетев:
— «Надо» и «хочу»? Это сложные вещи.

Лариса Коробицына:
— Разум дан человеку, чтобы разбираться в своих чувствах.

гда работу хорошо сделаешь, она все равно приносит радость, если даже раньше не хотелось.

— Правильно! — поддержала Колю Лариса Коробицына. — Разум дан человеку, чтобы управлять своими чувствами. Иногда не хочется, а понимаешь, что надо...

— А например?

— Ну, например, хочется телевизор смотреть, а уроков целая куча. Или надо посуду мыть...

Раздались возмущенные голоса: нельзя же серьезные вопросы сводить к тому, что уже надоело до чертиков! И так в каждой «воспитательной» беседе слышишь: «Кино или уроки, телевизор или посуда...»

— По-моему, мы не о том спорим, — серьезно сказал один из наших штурманов, семиклассник Алеша Краснокутский. — Надо в самой основе разобраться: что такое «хочу», что такое «надо» и когда как поступать...

...Я сейчас перечитал эти страницы и поймал себя на том, что слишком уж гладко и упорядоченно излагаю разговор. А на самом деле он был горячим и шумным. Говорили, наверно, не такими законченными фразами, перебивали друг друга. Кое-кто уже сгоряча выразил сомнение в умственном развитии собеседника, а тот, хотя и в шутку, но решительно пообещал использовать для доказательств не только слова, но и приемы каратэ.

И, наконец, решили: чем зря шуметь и отрывать время от занятий, пусть каждый напишет все, что думает про эти самые «хочу» и «надо», а потом устроим что-то вроде пресс-конференции при газете «Бейдевинд». А я предложил: «Давайте перенесем наш спор в клуб «За и против». Я только что вернулся из Москвы и знал, что на страницах журнала «Пионер» открывается такой пионерский дискуссионный клуб. Ребята обрадовались и согласились.

Теперь, когда споры и разговоры отшумели, заметки ребят и записи редактора лежат передо мной. Я пытаюсь привести их в порядок. Выбрать главные мысли и темы...

«А все-таки это не пустяк...»

Да, спор о мытье посуды и других домашних делах оказался совсем не мелочным. Он задел многих. Больше всего мне понравилось, что написали об этом Женя Баранов и Сережа Гаврин.

Вот Женины слова:

«Если ты хочешь гулять, а у тебя не вымыта посуда или пол, то надо сделать самое важное вперед, а гулять потом. Если ты это не сделаешь, придут с работы усталые родители, и им же еще придется возиться с домашними делами, а ты в это время весело бегаешь на улице. Они моют посуду, готовят ужин. Когда ты придешь, тебя, конечно, спросят, почему ты ничего не сделал дома. А ты будешь стоять и краснеть. Лучше сделать, что полагается, сразу, чтобы родителям было легче после работы».

Женю во многом повторяет Сережа:

«Например, сижу я у телевизора и смотрю кино, но тут меня зовет мама и просит, чтобы я помыл посуду и вынес мусорное ведро. Маме нужно на работу, и ей нельзя опаздывать. Если бы я остался смотреть фильм и не помог сделать уборку, то маме пришлось бы все делать самой и она опоздала бы на работу, а работа у нее очень важная. И я иду...»

Эти две заметки написаны очень просто, и в них в общем-то нет ничего нового. Никаких открытий. Однако бывает, что правильные слова ребята повторяют и пишут с легкостью и умением (потому что знают, каких фраз от них ждут взрослые), а на

Зайцев (Андрей Владимирович):
— Человек должен уметь делать то, что «надо».

Зайцев (Андрей Сергеевич):
— Говорят, что «надо». А никогда не спрашивают, хочешь или нет.

Игорь Годовых:
— Я люблю заниматься морским делом, и заниматься им надо. О чем же здесь спорить?

Женя Баранов:
— Бывают дела, что хочешь не хочешь, а делай...

Коля Боднар:
— А устав отряда? Бывает, что не хочется, а делаешь...

Алеша Кузнецов:
— Не люблю маршировать, когда заставляют...

деле поступают далеко не всегда, как рассказывают.

А этих ребят — Женю и Сережу — я видел в серьезной работе. Они не боятся самых неприятных дел. В летнем лагере, например, наиболее тяжелым и «неромантичным» было дежурство на кухне. И если случался «прорыв», всегда шли на помощь Баранов и Гаврин. Потому что они привыкли добросовестно относиться к любой работе, а совсем не потому, что они самые «дисциплинированные и послушные».

Когда же вдруг мама захотела увезти Сережу в деревню к бабушке, потому что боялась оставлять его одного дома на пару дней, он воспротивился. Сумел доказать маме, что в отряде важные дела, и он не имеет права бросать свой экипаж. **Не хочет** и **не должен,** хотя мама и говорила, что **надо.**

А если «не надо»?

Значит, бывают случаи, когда следует спорить с некоторыми «надо»?

Я перечитываю выступление Алеши Краснокутского: «Бывает, говоришь учительнице, что на «продленку» сегодня пойти не можешь, потому что должен быть на занятиях в спортивной секции. А тебе отвечают, что секция потерпит и отпустить тебя не могут, так как сегодня приезжает комиссия и все ученики с «продленки» должны быть на месте.

А почему должны? Кому это надо? Комиссии, чтобы видела, какой в школе порядок? Учителям, чтобы не было неприятностей? Ученику? Ему-то уж точно не надо. Пока он сидит в классе для «полного процента», в секции срывается тренировка, нервничает тренер (а он, как и учителя, взрослый человек и педагог и тоже на работе)...»

— «Продленка» только отучает от самостоятельности,— с обидой сообщила наш флагман Анюта Мясникова.— Наша Лелька две недели ходила в группу и теперь сама совсем не может уроки учить. Привыкла с нянькой и все по указке...

— Ага, «с нянькой»! — горько возразил Алеша Шарков.— Нас учительница оставит в классе одних, все галдят, заниматься невозможно. А потом она приходит и давай: «У тебя неправильно, перепишешь дома! У тебя написано грязно — переделать!» Домой придешь в полседьмого — вся голова гудит, а надо еще уроки учить. Ни погулять, ни почитать...

— В группе продленного дня режим...— послышалась ироническая реплика.

— К режиму тоже надо относиться по-умному,— заметил Алеша Васильев.— В «продленке» один режим на всех и на каждый день, а в жизни одинаковых дней не бывает. Надо умело своим временем распоряжаться... На флоте, например, тоже режим, но надо ведь и к неожиданностям быть готовым: то шторм, то аврал, то срочная разгрузка-погрузка в порту. И «продленка», помоему, не должна быть какой-то монотонностью. Тут и самого школьника нужно спрашивать: что он хочет успеть сделать за день?

— Точно! — согласился Андрей Зайцев (мы его зовем Андреем Сергеевичем в отличие от другого Зайцева — Андрея Владимировича).— А то никогда не спрашивают! «Надо, надо!» А зачем?

Я перечитываю его заметку:

«Наш класс так не любит, когда проводят смотр строя и песни. «Налево, направо, кругом» — надоедает... Учителя говорят: «Это запланированное мероприятие, и вы не имеете права его пропускать». Но строевым приемам нас на уроках физкультуры учат, а потом еще будут на военной подготовке...»

Андрея поддерживает Алеша Кузнецов:

«Эти смотры совсем не нужны, потому что неинтересно».

И пусть на меня разгневаются некоторые учителя и вожатые, но я с этими ребятами согласен.

В те годы, когда в школах только начинали устраиваться ежегодные смотры строя и песни, это были яркие пионерские праздники. Ребята все готовили сами, командовали там не учителя, а пионерские командиры. Это было здорово! Во многих школах это и сейчас так. Но кое-где — как у Андрея и Алеши — смотры превратились в мероприятия для отчетности. Чтобы «школа не выглядела хуже других».

И некоторые учителя заставляют ребят заниматься неинтересными делами, грубо нарушая пионерское самоуправление.

А может быть, Андрей и Алеша просто кислые нытики, которым неинтересны пионерские дела?

Но я вспоминаю, как лихо маршировал на майских парадах Алеша Кузнецов. Он был тогда самым маленьким в отряде и по традиции шагал впереди колонны.

И я знаю, как торжественно и радостно отбивает марш на отрядных линейках наш барабанщик Андрюша Зайцев...

Разговор о ненужных «надо» продолжался.

Олег Тимченко:

— Конечно, необходимо собирать макулатуру и металлолом. Но, когда спрашиваешь, почему лом ржавеет на школьном дворе, а макулатура гниет, нам говорят: «Ваше дело — собрать, а дальше без вас разберутся». Тут сразу начинаешь думать, нужным ли делом занимался...

Андрей Казаков:

— Еще очень часто говорят «надо», когда выбирают в председатели совета отряда того, кто не хочет. А тут одним «надо», по-моему, не обойдешься. На такой работе без желания нельзя.

Володя Локтин:

— Дело в том, что, когда тебя заставляют, всякое желание пропадает и никакие «надо» не действуют. А вот в третьем классе у нас была учительница Нина Александровна, так она никогда не командовала, а все делала с нами. И макулатуру собирала. И всем было весело даже в трудных делах. Я считаю, что во многих делах надо не заставлять, а заинтересовывать ребят...

Мне кажется, Володя высказал интересную мысль. Из его слов следует, что обязанность и желание далеко не всегда противоречат друг другу.

«Может быть, это счастье...»

В самом деле, разве обязательно «хочу» и «надо» должны противостоять друг другу?

Сережа Рыжков:

«Иногда они противостоят, но это не настоящее, кажущееся несогласие. Со мной случилась такая история: мы с товарищем, с Вадиком, записались в судомодельную секцию во Дворце пионеров. Там все было интересно, и мы с первого дня решили строить свою модель. Работа закипела. Но, когда посмотрели на то, что построили, произошло полное разочарование. И руководитель уже в четвертый раз посоветовал ходить на теоретические занятия, «на уроки». Но Вадик считал, что это скучно, и мы не ходили. А в этот раз остались. Теперь мы уже знаем две расчетные формулы и можем сами рассчитать корпус судна. Я понял, что если х о ч е ш ь построить хорошую модель, н а д о идти через разные мелкие нежелания, лень и прочее. Тут желание и необходимость тесно связаны. А ведь человек всю свою жизнь чего-то хочет. Хочет кем-то стать, сделать открытие, людям пользу принести. И это его «хочу» порождает другое — то, что мы называем «надо». Иногда эти понятия стоят далеко друг от друга, и трудно уловить между ними связь. А ее очень важно, по-моему, уловить, когда идешь к цели.

Митя Кононов:

— «Хочу» и «надо» не стоит употреблять только в виде выбора. Лучше всего делать так, чтобы и тебе хотелось и людям было это надо. Такое встречается в жизни не так уж редко.

Игорь Годовых:

— Правильно! Мне сегодня нужно было идти в отряд на занятия по морскому делу. Это и надо и очень хочется... Ну, а вдруг нужно что-то делать, а не хочется? Тогда надо думать не только о себе, а считаться с другими.

Павлик Крапивин:

— Когда человек понимает свои обязанности и четко выполняет их, даже если не хочется, — это проявление силы воли. Но Митя Кононов прав: нередко желание и обязанность совпадают. Например, любимая работа — ее нужно делать и это доставляет радость. Наверно, если человек сумел в жизни найти любимую работу — это самая большая удача. Может быть, это и есть счастье.

Инна Депутатова:

— Я с этим тоже согласна. В любом деле надо найти интересную сторону. Но... Игорь вот только что сказал: бывает же, что до ужаса не хочется, а надо...

— Опять «уроки или телевизор»?

— Да нет, я не об этом. Иногда просто не знаешь, какой сделать выбор.

Надо выбирать

Вот как рассуждает Инна:

«Иногда выбирать бывает не так-то просто. Можно даже запутаться между многими «хочу» и «надо». Например, в школе субботник, а в секции ответственные соревнования — в одно время. И туда и сюда надо. И туда и сюда хочется. И там и здесь можешь подвести ребят. Вот и крутишься...

Или другой пример. Идешь в школу и видишь, как здоровые лоботрясы обижают малыша. А уже звонок. Можно подумать: «Мне надо без опоздания прийти в школу, потому что моя главная обязанность — учиться». Но тут и другая мысль: «Человеку надо помочь». И желания самые спорные: одно — «Мне хочется обойтись без синяка и без выговора за опоздание», а второе — «Мне хочется считать себя честным человеком и не мучиться потом, что оказался трусом».

И так далее. Столько «надо» и столько «хочу», что сразу не разберешься».

— И долго ты разбираешься в таких случаях? — спросил кто-то из новичков.

Ребята развеселились. Они-то знают, что, столкнувшись с хулиганами и обидчиками маленьких, Инна разбирается после схватки, когда противник «зализывает раны».

Вот о таком умении отбросить все колебания, когда жесткое неотвратимое «надо» требует от твоей совести быстрого справедливого решения, тоже шел разговор.

— Бывает ведь, что человек и не думает «хочу или не хочу»,— сказал Алеша Краснокутский.— Иногда такое случается, что надо все бросать и делать главное.

— Случается,— согласился Андрей Казаков.— И у взрослых и у ребят...

Случается... Надо защитить товарища от несправедливого обвинения — и встаешь...

Грохает среди ночи тревожный выстрел ракетницы — и вылетаешь из палатки...

Кого-то придавило шквалом — и ты под злорадное штормовое завывание рывком перекладываешь руль, чтобы успеть на помощь.

— Бывало такое, братцы?

— Бывало... И, наверно, еще будет.

— Так, может быть, только об этом и стоило говорить? — спросил я.— А то собрали все в одну кучу: и о прическах, и о телевизоре, и насчет макулатуры.

— Нет! — ответили ребята. Наперебой ответили: — Все важно. Во-первых, мы говорили о нашей ежедневной жизни. Каждый день сталкиваешься с маленькими «хочу» и «надо». С ними тоже нелегко. А кроме того, многие крупные сложности начинаются с мелочей. И воспитывать характер надо постоянно.

— Ну, и до чего же договорились? Какие выводы?

А выводы такие

Если действительно НАДО — значит, надо. Делай и не пищи.

Но бывает, что «надо» ненастоящее, придуманное для показухи, для отчета, для внешнего благополучия. Чтобы кому-то спокойнее жилось за счет других. С такими «надо» надо бороться.

«Надо» и «хочу» очень связаны. К большой цели часто приходится идти через маленькие «не хочу, но надо». И идешь, если добиться цели действительно хочешь.

Самое лучшее, если «надо» и «хочу» совпадают. Это приносит человеку радость.

«Хочу» без «надо» не бывает. Даже пословица есть: «Любишь кататься — люби саночки возить». Если это поймешь, тогда полюбишь «возить саночки» и твое «надо» превратится в «хочу». Чем умнее человек, тем скорее он это понимает.

— А чтобы стать умнее, надо, дети, учиться,— вздохнули в задних рядах нашего «пресс-зала».

— В том-то и дело. Даже если «не хочу»...

— К этому, братцы, все и шло... А у меня алгебра не сделана. Дома мне устроят «пресс-конференцию»...

— Но материал-то для газеты надо было готовить!

— А мама скажет: «Не хочу ничего знать. Марш за уроки!»

— А что делать? Надо...

Алеша Краснокутский:

— Пусть у ребят спросят, хотят они на «продленку» или нет?

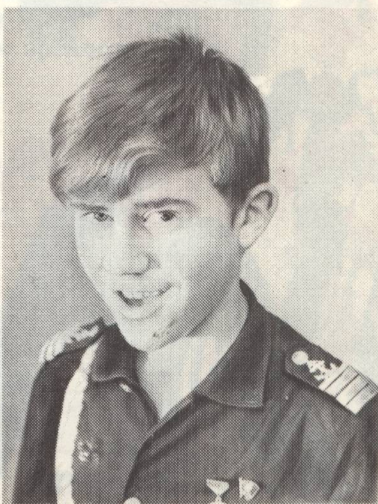

Сережа Гаврин:

— Если по правде надо, я иду...

Митя Кононов:

— По-моему, «хочу» и «надо» не всегда противоречат...

Агния Барто

Лауреат Ленинской премии

ИЗ КНИГИ «ПОДРОСТКИ, ПОДРОСТКИ...»

Мысли грустные

Нагрубил вчера я маме,
Хлопнул дверью я,
Нет доверья между нами,
Нет доверия.

Я проснулся одинокий,
Вспомнил мамины упреки:
Я ее родное чадо,
Про меня все знать ей надо —
Почему неоткровенен?
Нет ли где в душе разлада?

Откровенничать не стану,
Зря надеется!
Откровенничать не стану,
Не младенец я!
И нарочно я туману
Напускаю,
Нынче маму
До души не допускаю.

Я проснулся одинокий,
Мысли грустные,
С горя выучил уроки,
Даже устные.

Трудный бой

Опять в душе такая муть!
Опять характер мой
Мне подсказал окольный путь,
А я ищу — прямой.

Бываю часто я не прав,
Не я, а мой нелепый нрав.
Я от себя пока бегу,
Где увернусь, а где солгу.

Мне говорят:— Да ты пойми,
Ты парень с головой,
Ты переделай и сломи,
Сломи характер свой!

Так мне твердят наперебой!
Но труден бой
С самим собой.

Из-за родителей

Мы курим сигаретки
И дым вдыхаем едкий,
А все из-за родителей:
Чтоб было убедительней —
Мы взрослые! Не детки!

Разговор

Тот разговор, не стану врать я,
Сама я слышала в метро:
— Ну, мама, сделай мне добро —
Десятку дай, ведь люди — братья...
— А для тебя,— сказала мать,—
А для тебя и слово «братья»
Произошло от слова «брать».

О рыцарстве

— Люблю я в старых книжках рыться,
Где чуть не каждая страница
О том, как благородный рыцарь
Своей прекрасной даме предан,—
Сказал парнишка за обедом.—

Люблю я в старых книжках рыться,
И сам в душе я тоже рыцарь:
Я за прекрасной дамой следом
Ходил бы с шарфом или с пледом,
Я за нее — в огонь и в воду!..
Я лучше стал бы ей в угоду.

— Постой, сынок,— вздохнула мать,
Сидел он рядом с мамой.—
Никак не мог бы ты признать
Меня прекрасной дамой?

Повстречали барина

Мы в поселке Марьино
Повстречали барина,
Молодого барина
Четырнадцати лет.
За ним четыре дурочки —
Две Ниночки, две Нюрочки —
Вели велосипед.

Он ехал, будто нехотя,
Мол, утомился ехать-то,
С велосипеда слез
И приказал он дурочкам —
Двум Ниночкам, двум Нюрочкам:
— Машину — под навес!

По разуменью барина —
Она ему подарена,
А Нюрочки да Ниночки
Сдувай с нее пылиночки.

В мороз

Мороз сегодня лютый
И ветер ледяной.
Подростки почему-то
Одеты, как весной.

Бежит мальчишка в батнике
И в куртке налегке,
Согнулся, как горбатенький,
На снежном сквозняке.

Старушка шепчет:
— Боже мой,
Озябнет молодежь!
Ей говорят прохожие:
— От жизни отстаешь:

Парнишка не простудится,
Не бойся, будет в целости.
В мороз
Дрожать на улице
Сегодня —
Признак зрелости.

История одной профессии

Был у отца характер крут,
Твердил он: кто не любит труд,
Тот попросту злодей!
Пускай с лица земли сотрут
Таких людей!

В те дни ходил я в первый класс
И называется — лоботряс.
Я с букварем был не в ладу,
Сидел, зевал в шестом ряду.

Прикинул я туда-сюда:
Погибну я из-за труда!
Весь класс взволнуется тогда:
С лица земли Скворцова стерли!

И защипало что-то в горле...
И я расстроился до слез:
Зачем я жил? Зачем я рос?

А тут учительница вдруг
Мне задает вопрос:

— Ты нам скажи в конце концов,
Вниманье удели:
О чем ты думаешь, Скворцов?
— Я? О лице земли.

Она обрадовалась вдруг:
— Ах, проявляешь ты, мой друг,
К природе интерес?
Лицо земли — поля и лес,
Мир удивительных чудес
Таинственный, живой...
И я заслушался впервой.

Ну, в общем, годики прошли,
И вот теперь лицом земли
И окружающей средой
Я занялся всерьез.
Отца я перерос.
Смеется он, совсем седой:

— Со страху взялся ты за труд,
Боялся, что с земли сотрут?

Свидание

Сказали мне — имей в виду:
Марина любит Гоголя.
И вот я рядом с ней иду,
Хочу сказать ей многое,
Но бормочу я, как в бреду,
Что я давно неравнодушен...
К кому?
Конечно, к «Мертвым душам»,
А легкий шарф ее воздушен,
И я несу такую чушь,
Что я поклонник
«Мертвых душ»
И мне приснилось
Чье-то личико,
Но только... это был
Не Чичиков...

Сказали мне — имей в виду:
Марина любит Гоголя.
И вот я рядом с ней иду,
Вздыхаю всю дорогу я,
Робею от ее красы,
Коснулся я ее косы,
Она промолвила: — Не трогай.
Коснулся я ее косы,
Забыл, когда родился Гоголь.

Балдеж, или исполнение желаний

Одной девчонке молодой
Была охота стать балдой,
Когда охота есть, ну что ж,—
Пошла девчонка на балдеж.

Там свой комфорт и свой уют,
Там по-балдежному поют,
И все там, как положено,
Прекрасно обалдежено.

Там свой комфорт и свой уют,
Балбесы разные снуют,
Заняты амурами
На балдежном уровне.

А что с девчонкой молодой?
Она теперь балда-балдой,
Достигла невозможного:
Надежно обалдежена,
Считается звездой.

Рисунки
А. БОРИСОВА.

ОЛИМПИЙСКИЙ ВЫПУСК

Фоторепортаж А. БОЧИНИНА и Ф. ПРЕДЫБАЙЛО об олимпийских сооружениях в Москве, спортивная юморина художника Е. ШАБЕЛЬНИКА, филателистический конкурс «ОТ АФИН ДО МОСКВЫ».

Гостиница «Космос».

Олимпийская деревня.

Спортивный комплекс ЦСКА.

Стадион в Крылатском.

Кольцевая велотрасса.

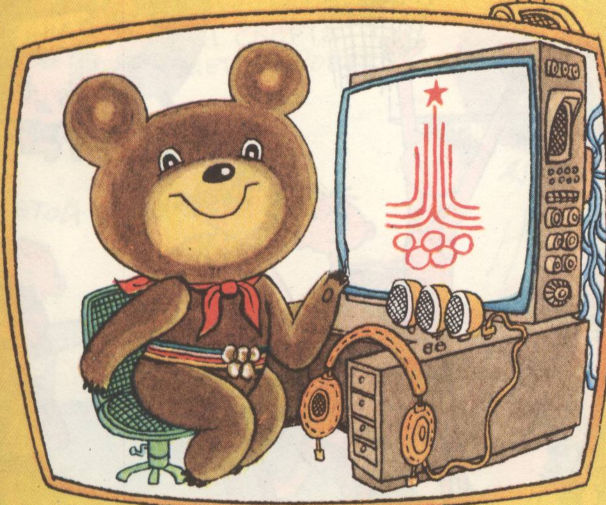
Гребной канал в Крылатском.

Центральный стадион имени В. И. Ленина. Плавательный бассейн.

Универсальный спортзал «Дружба».

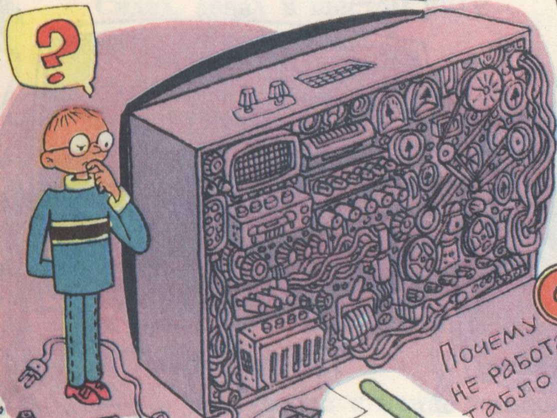
Журнал «Пионер» и Правление Всесоюзного общества филателистов объявляют филателистический конкурс «ОТ АФИН ДО МОСКВЫ», посвященный Олимпиаде-80 (смотри страницу 34). В конкурсе могут участвовать все желающие. Отвечать можно и одному, и коллективно. Ответы на вопросы должны быть полными, красочно оформленными. Если тебе не под силу ответить на все вопросы конкурса, выбери два-три из них. Десять абсолютных победителей, правильно и интересно ответивших на все вопросы, получат главные награды жюри. Специальные призы (книги по олимпийской филателии, наборы марок и блоков на спортивную тематику) будут высланы авторам наиболее интересных ответов на отдельные вопросы. Коллективные работы будут также отмечаться призами жюри. Использовать для оформления марки и другие филматериалы не надо. Ответы присылайте до 1 АПРЕЛЯ по адресу: 101459, ГСП-4, Москва, Бумажный пр., 14, 11-й этаж, журнал «Пионер».

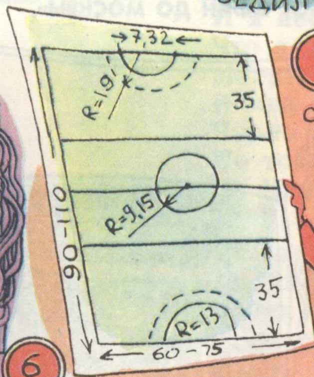
СПОРТИВНАЯ ЮМОРИНА

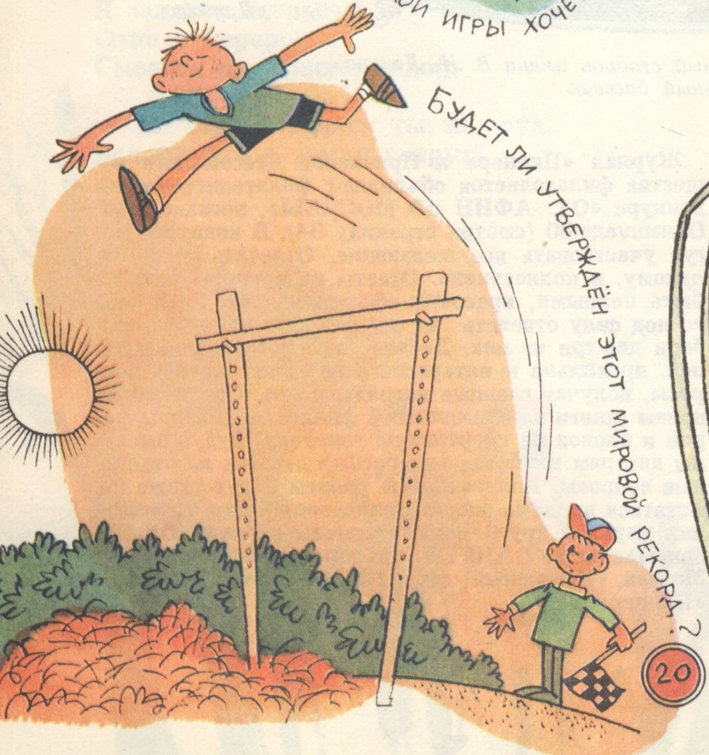

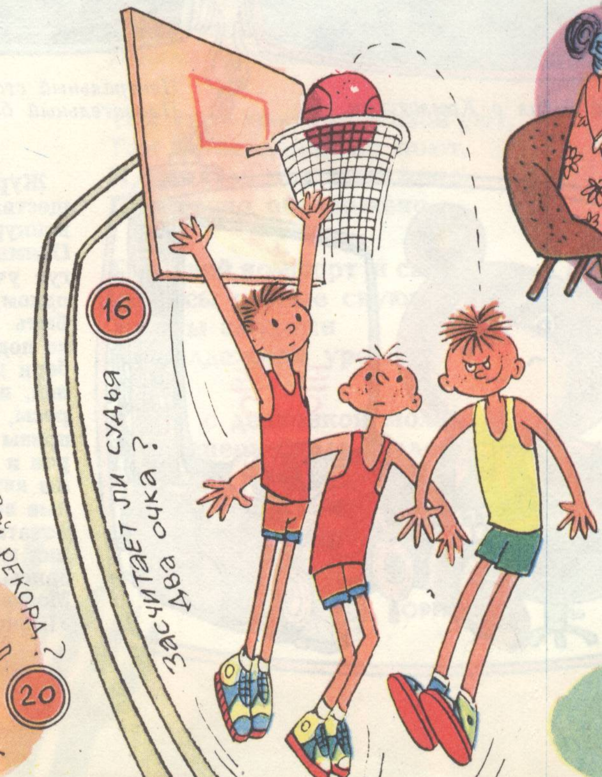

4 Есть ли такой вид спорта?
5 Почему не начинается игра?
Кто ведёт в бое? 9
10 Почему так спокоен вратарь?
выиграл бой?
14 Чем закончится эта партия?
Кто победит? 15
18 Между какими видами спорта „разрывается" Роберт?
19 Мяч для какой игры пытается сделать Слава?
то прав в этой ситуации?
Кто станет чемпионом класса? 22

ОТ АФИН ДО МОСКВЫ

1. Долгое время только та страна могла выпускать марки, посвященные Олимпиаде, где проводились очередные Игры. С 1924 года эта традиция была нарушена. Знаешь ли ты,

— когда появились первые советские олимпийские марки?

2. Современным олимпийским движением руководит Международный олимпийский комитет. Когда и где он был создан? Расскажи о почтовых марках, посвященных основателю МОК.

3. Перед тобой почтовая марка, посвященная одному из выдающихся советских спортсменов. Какими победами прославился этот гимнаст? Расскажи, в каких Олимпиадах он участвовал и какие получил награды? Какие советские марки выпущены в честь этих соревнований?

4. А это советская марка, посвященная футболу — одному из видов олимпийских состязаний. Ответь:

— в каких городах СССР будут проходить соревнования XXII Олимпийских игр по футболу?

— почему номинал марки выражен суммой 4 коп.+2 коп.?

5. Очень разнообразна программа XXII Олимпийских игр. Известно ли тебе,

— сколько видов спорта будет представлено на Олимпиаде-80?

— какие из них изображены на советских почтовых марках с эмблемой Московской олимпиады?

6. Этот почтовый выпуск посвящен предстоящей Олимпиаде. Известна ли тебе история его создания? Какие спортивные сооружения изображены на нем?

7. Почтовая карточка, которую ты здесь видишь, рассказывает о том, что смогут увидеть в Москве участники и гости XXII Олимпийских игр. Расскажи о культурной программе Олимпиады-80. Назови другие почтовые карточки из этой серии.

8. На какой стадион впервые был доставлен огонь прямо из Олимпии? Как будет проходить факельная эстафета Олимпиады-80? Опиши маршрут доставки олимпийского огня.

9. Путь многих наших олимпийцев проходил через спортивные секции школ и Домов пионеров, городские, районные, областные, республиканские и всесоюзные соревнования.

— Этот конверт посвящен «Золотой шайбе». Расскажи, какие виды всесоюзных пионерских соревнований тебе известны и какие марки и конверты им посвящены?

3

4

8

8

6

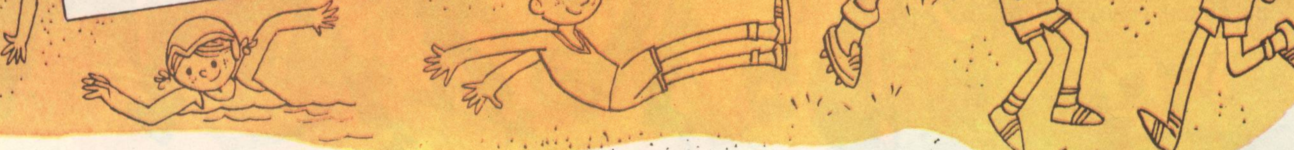

7

9

ПЕРЕМЕНКА

Сегодня мы открываем новую рубрику. В ней вы встретитесь со знаменитыми спортсменами, тренерами, комментаторами — людьми, известными сегодня всей стране. Мы не сомневаемся, что эти люди хорошо знакомы и вам. Но думаем, что будет интереснее, если мы не сразу назовем имя героя нашей беседы. Пусть наши встречи будут немного загадочными. Согласны? Тогда ждем ваших писем с ответами. Может быть, вам поможет фотография нашего героя? Правда, она была сделана давно, тогда, когда «такой знакомый... незнакомый» был очень молод...

«СПОРТ И ИСКУССТВО ВСЕГДА БЫЛИ РЯДОМ»

— **Итак... Нет, я все же затрудняюсь задать первый вопрос. Точнее, не знаю, кому его задать: народному артисту республики, заслуженному мастеру спорта или комментатору Центрального телевидения и Всесоюзного радио? А вопрос у меня такой: какому из этих трех своих занятий вы отдаете предпочтение?**

— Видите ли, я никогда не пытался это делать. Спорт и искусство всегда были рядом в моей жизни. Долгое время я играл на сцене МХАТа и одновременно выступал в чемпионатах страны по теннису. Тогда спорт помогал искусству. Теперь, когда основное мое занятие — спортивный комментарий, навыки, приобретенные в театре, помогают спортивному комментатору.

— **Ну а все-таки кем же вы мечтали стать в детстве?**

— Я хотел быть как папа. Мечтал петь, как он, в Большом театре. И даже (никому об этом не говоря) собирался вырасти таким же лысым. Как видите, ни то, ни другое мне не удалось...

— **Что же помешало занятиям музыкой?**

— Ничего. Я занимался музыкой, и довольно успешно, пытался даже сочинять. Но лет в девять все остальное, в том числе и музыку, вытеснил теннис. А уже в двенадцать я впервые стал чемпионом Москвы среди мальчиков. Можете себе представить, с каким восторгом я показывал своим родителям газету «Красный спорт» со своей фамилией! (Тогда, в 1935 году, выходила такая газета.) После этого я 45 раз выигрывал звание чемпиона СССР (в одиночных, парных и смешанных соревнованиях), 61 раз становился чемпионом Москвы, выиграл 170 международных и внутрисоюзных турниров, но та, первая победа запомнилась на всю жизнь.

— **И все же вы пошли по стопам отца — стали актером.**

— Да, но не оперным, а драматическим. Моим последним спектаклем в Художественном театре было 2500-е представление «Синей птицы» Метерлинка, где я играл одну из любимых моих ролей — роль Хлеба. Помню, многие зрители, присутствовавшие на том юбилейном спектакле, удивлялись: в то же утро я вел хоккейный репортаж из Стокгольма. А я был благодарен Аэрофлоту: в который раз он помог мне обогнать время.

Кстати, поделитесь секретом с ребятами: как у вас на все хватает времени?

— Очень просто. Вставайте на час раньше, и у вас всегда будет целый час в запасе!

Скажите, пожалуйста, как вы решили стать спортивным комментатором?

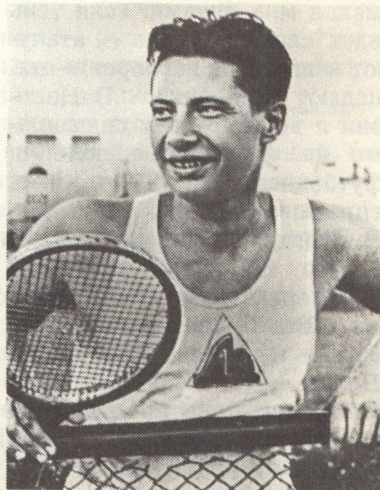
— Никак не решал. У меня и в мыслях этого не было, и приглашение попробовать себя на радио в качестве футбольного комментатора явилось полнейшей для меня неожиданностью. Когда я впервые остался один на один с микрофоном, у меня даже во рту все пересохло от страха и ужаса. Мне казалось, что миллионы радиослушателей видят меня и только и ждут, что новичок сморозит какую-то чепуху.

— **Но все обошлось?**

— Не сразу. Как я провел свой первый репортаж, я просто не помню: так волновался. После, пришло на радио 40 писем. 36 хороших (наверное, знакомые поддержали), 3 критически настроенных, и одна девушка из Тулы разнесла меня в пух и прах: как посмел этот противный голос обидеть моего любимого футболиста... В этом году во время Олимпийских игр исполнится ровно 30 лет с того первого репортажа. За это время я вел передачи из 48 стран мира, был на 12 Олимпиадах, комментировал матчи 22 чемпионатов мира по хоккею, 6 чемпионатов мира по футболу... Количество репортажей с наших внутренних соревнований подсчитать не берусь.

— **Признайтесь, как комментатору, вам приходилось давать прогнозы: как закончится состязание?**

— Прогнозы в спорте вообще дело сомнительное. Помню, когда в 1972 году наши

Беседу вел Юрий МАКАРОВ.

хоккеисты приехали в Канаду, все канадские газеты спорили о том, с каким счетом проиграют русские и удастся ли им забить хоть одну шайбу. А один корреспондент даже закончил статью словами, что он готов съесть газетную страницу с собственным произведением, запивая и заедая ее русским борщом, если советские хоккеисты выиграют. Как известно, наши блестяще победили профессионалов в этом матче со счетом 7 : 3! И пришлось незадачливому канадскому журналисту прямо на ступеньках гостиницы «Торонто», где остановилась наша сборная, съесть собственную газету вместе с борщом в присутствии огромной толпы.

— **И последний вопрос: что вы пожелаете ребятам, которые хотят стать спортивными комментаторами?**

— Я часто получаю письма с такими вопросами. И всегда отвечаю: если вы действительно любите спорт и выбрали профессию спортивного журналиста, дерзайте, не бойтесь трудностей. А трудностей в нашей работе хватает. В какие только переплеты я не попадал за три десятилетия работы у микрофона! Однажды я вел репортаж о футбольном матче из комментаторской кабины, окна которой так запотели, что я не видел не только отдельных игроков, но и команды в целом. И целый тайм мой тогдашний ученик Владимир Маслаченко из соседней комнаты через окно махал мне руками: если тень идет слева направо — атакуют наши, если наоборот — нападают соперники... В Никозии я вел передачу сидя прямо на футбольном поле, и футболисты, пробегая мимо, спрашивали, который час... В Болгарии я вел репортаж с дерева. На дерево влез сам, а с дерева меня уже снимали... Все бывает в нашей работе — и курьезы и неудачи. Но все же я очень люблю ее. Потому что она продолжение спорта. И продолжение искусства.

Беседу вел Юрий МАКАРОВ.

Алюминий — земной и лунный

Пожалуй, нет для нас металла привычнее, чем алюминий. От ложки в столовой до самолета в небе — это все он, белый, легкий металл.

Получают его из бокситов — алюминиевой руды. А вот чистый, самородный алюминий встречается очень редко, гораздо реже, чем, например, самородное золото...

На Земле редко, а на Луне... Там уже были найдены частицы железа, меди, никеля, цинка. А недавно советские ученые обнаружили в пробе, взятой автоматической станцией «Луна-20», самородный алюминий!

В чем дело? А в том, что алюминий — активный металл. На Земле он вступает в реакцию с кислородом воздуха и сейчас же окисляется.

А на Луне практически нет кислорода. Поэтому сохранению чистого алюминия там ничто не мешает.

Двухэтажный самолет

Двухэтажными бывают дома, автобусы... А теперь есть и двухэтажные самолеты. Вот он на фотографии — Ил-86, самый крупный в семействе «илов». В этом году он выходит на воздушные трассы нашей страны, а потом и всей Европы.

Это целый пассажирский поезд. Он принимает на борт до 350 человек, в три раза больше, чем большинство обычных самолетов. Но только движется гораздо быстрее поезда — со скоростью почти 1000 километров в час!

А для чего два этажа?

Ну, прежде всего можно взять больше пассажиров, а кроме того, и лететь им будет удобнее. Вошел в самолет, поставил чемодан на специальный стеллаж — и поднимайся на второй этаж, садись в кресло, устраивайся поудобнее, лети. А после посадки не придется ждать, пока багаж привезут в здание аэровокзала. Снова подойди к знакомому стеллажу за своим чемоданом.

В июле новый самолет поможет тысячам участников и гостей Олимпиады быстро добраться до Москвы.

Фотография В. ГРИДИНА.

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР

Василий ЮРОВСКИХ

Рисунки В. ДОНСКОВА.

Первым внезапно оборвал на черемуховом мыске суетливое «взвеселю, взвеселю» дрозд-белобровик, столь же неожиданно, «на полуслове», примолкла неунывная синегрудка-варакушка в желто-затененной вербочками пушистой иве. Поутихла и ворчливая галка, свившая гнездо в пустотелом железобетонном пасынке высоковольтной опоры. И хоть все еще гогливо поигрывали по реке чебачишки — клев, как обрезало.

— Тепло и тихо, а поплавки и не шевельнет никто, — нетерпеливо бормотал сын. Он перебегал с места на место, продолжая верить в удачу. Стосковался парень по рыбалке за зиму и ничего не замечал вокруг себя. А я сразу почуял неладное и оглянулся на запад. Там начинали вырастать бугристые тучи, на глазах набухали сизоватой чернотой и выпирали друг дружку все выше и выше в безмятежно-розовое небо. Вот они заслонили собой полукружье занизевшего солнца и остатки закатной красноты. Оттуда, издали, пока не тянуло угрюмым холодом, однако раньше времени стемнело и в небе и по-над землей.

— Айда, Володьша, в избушку! — позвал я сына, когда он опять возник над обрывом с трехколенным удилищем.

— Ага! — согласился приунывший Володька и стал быстро сматывать леску на мотовильца.

...Кто-то изрядно разорил нашу избушку, скрытую от проселка частым осинником и гущью боярки по опушке. Пришлось нам пустоту двух окольниц занавешать обрывками содранного с крыши толя, а утащенную чугунную плиту заменить листом ржавого железа. Истопленные непрошеными «гостями» нары-лежанки восполнили вывороченными кем-то половицами. Сушняк знойно полыхал в нутре подтопка, но дым не столько шел в дымоход, сколько валил в избушку. Видно, в трубе образовалась воздушная пробка, и сидели мы с сыном как бы в бане по-черному.

Под пологом едучего дыма при моргливой свечке и отужинали мы и, примостившись напротив зева подтопка, враз и уснули, чего не бывало со мной в прежние годы. Раньше я подолгу сиживал и копил тепло в избушке, чтоб после полуночи его хватило на самый сладкий дорассветный сон. А тут как легли, так и не поворочались даже на неудобно-неровных тесинах. Когда без маеты засыпаешь, то свежо и легко пробуждаешься. И вовсе не оттого, что выстыла избушка и задремали угли в подтопке. Просто нам хватило времени на отдых, и бодрость духа подмывала на действия. Но насторожила необычная тишина за стенами: не верещали по осиннику дрозды-рябинники, не набивалась в кумовство охмелевшая от весны сова, и не вопили бесшабашно кулики. Да и свет из дырок толя проглядывал слишком белый и ровный.

После смородинового чая и печеной картошки мы понежились возле огня, подобрали мусор за собой и распахнули дверь. Глаза больно сузил пухло навалившийся снег, хоть он не зальдел в притворе и не выблескивал по-зимнему на солнце.

Первая мысль — захлопнуть дверь и остаться в тепле, покуда не ободняет. С еды смаривало на сон, да и о какой рыбалке помышлять после такого снеговала. Сыну, небось, и подавно неохота топтаться в резиновых сапогах. Я аж зубами скрипнул на самого себя: именно с подобных уверток и начинается в человеке червоточина лени. Однажды поддайся, а там уж за порог не перешагнуть, там уж воображение нагромоздит прочие неудобства выезда на рыбалку или в лес и до теоретика-домоседа совсем недалеко...

— Пошли тропить! — бросил я сыну и утопил сапоги в снег выше щиколоток. Без восторга, молчком, потопал и он за мной.

Майское разновеселье птиц и теплынь — само собой приятнее, чем нежданно-негаданный снегопад. Однако жалел я, что продрых ночную непогоду. С детства любы мне вьюжные ночи, а в войну каждая зима не обходилась без кромешных буранов и холодов-лютовеев. По полу избы — волкòв морòзь, зато на печи, как у Христа за пазухой, радовалась мама. Собьемся мы вчетвером под одной окуткой и только слышим, как ревет-надрывается ветрище в трубе, шумит-кряхтит и скребет корявыми сучьями крышу старый тополь. Да тьма-тьмущая снега наваливается на избенку, словно кто-то наказал бурану раскатать ее по звенышку-бревнышку.

Заставали бураны и вьюги нас и в поле, когда возили на корове Маньке осоку с болота Мохового. Своенравная Манька смирела тогда, животным чутьем угадывала потерявшуюся под снегом дорогу и забывала о привычке — неожиданно ринуться с возом в свой облюбованный куст боярки, где столько было развалено возков сена и осоки, столько изорвано и без того никудышной сбруи. Нас в пути за возом согревали думы о доме, о заветной печке и о маме, что ждала и тревожилась у ворот ограды. Сон на ходу укараулливал и одолевала зевота, но лишь разинешь рот — мигом и взбодришься. Не воздух, а снежную кашу заглотнешь.

Не спать бы мне, а послушать, как куролесила непогодь, и не в мыслях, а как бы снова наяву обратиться в того парнишку с прозвищем «Вася Маненький». С чего и расти-то нам было... И тем, кто смолил табак-самосад лет с шести, как соседский Ванька Парасковьин, и тем, кто если нюхал-глотал табачный дым, то лишь поневоле в бригадных конюховках.

В ходу разогрелись и незаметно заглубились лесом, а на уютной поляне вдруг захотелось нам с сыном развести костер. Из заплечного мешка выудил я берестину, а Володька живо наобламывал с берез и редких сосен сухих сучков. Счирикала спичка, и вот оно человеческое счастье с первобытных веков! Веселый компанейский костер, будто друг-товарищ, тут как тут!

— Нодью, нодью [1] сообразим! — вспомнил читанное о таежниках сын и с топором кинулся через поляну к осиновой сушине, сплошь издырявленной дятлами.

Поплевал Володька на ладони, как заправский лесоруб, и всадил лезвие топора у самого комля.

Ясно и не таежнику — какая нодья из осины! Спички без нее не сделаешь, бат, лодка-долбленка легка и долговечна. На многое годна осина, споро и неприхотливо растущая. Одна-разъ

[1] Нодья — лесной костер из сухих еловых бревен.

С топором в руках кинулся Володька к осиновой сушине, сплошь издырявленной дятлами.

единственная дюжит — не посыхает, когда ядохимическая вьюга с самолетов пылит на посевы; но уж нодья осиновая... Это если охота одежду испрожечь — пожалуйста, ежели сучьев недостаточно!

Останавливать сына я не стал, пущай разомнется парень, силу свою хоть не на живом дереве испробует. И не разучился ли в школе топором владеть?

Звон дрожью прянул осиной с комля до вершины, и ожидал я, что свирелью заиграет лесина, коли столько дыр на ней, а на самом деле... В сей же миг из нижнего дупла, словно выплюнутые вишневые косточки, вылетели парочкой полевые воробьи с сердитым «чо, чо, за чо, за чо?!».

Ну, воробышки — не ахти какая диковина, любую щель под жилье себе выберут. А вот когда из осины посыпалась самая разная птичья мелочь — тут и о нодье и о костре забылось. Друг за дружкой из одного дупла полезли и большие синицы, и гаечки, и пеночки, и... даже удалой песельник-зяблик! И все-то они пищат-верещат, не очухаются после нутряного трезвона по осине. А вон с чиликаньем, как малые девчушечки, белые трясогузки улизнули с «третьего этажа». Самое аккуратное дупло оказалось скворешней. Оттудова наполовину выглянул сам хозяин-скворец и зыркнул вниз на моего сына да длинно-пронзительно свистнул. И тотчас же обратно усунулся: мол, черта с два, брошу я свою скворешню-квартиру, желающих занять ее безо всякого «ордера» эвон сколько!..

Певчий дрозд и подавно не дупляной жилец, но и тот фуркнул из какой-то дыры в сторону ольховой согры. А где черный дятел-желна чуть не в полдерева распластал толщину осины, вывалилась пара сов-сплюшек. Только они не метнулись с перепугу, как многие постояльцы, а примостились на обломыш сучка и плотно прижались друг к другу.

Сын тоже задрал голову и еле успевал провожать птиц из осины. Было чему и мне дивоваться, хотя кажется порой, что все-то я повидал в родных лесах и ничего особенного не потеряю, если по какой-то причине сорвется задуманная поездка в леса.

Я догадывался, что далеко не всех сшевелил Володька, далеко не всех выжил нечаянно на белый свет-снег. Летучие мыши, к примеру, не отцепятся от стенки дупла, хоть рухни осина наповал. Рано прилетевшие горихвостки и вовсе не подумают вылетать: им не белые, а живые мухи нужны.

— Вот тебе и нодья! — растерялся сын. — Вот мы и обогрелись... Не осина, а настоящее общежитие.

— Постоялый двор, — вспомнил я редко употребляемое ныне слово. — Прописанных в дуплах раз-два и обчелся, зато тех, кого осина в непогоду на постой пустила, не враз и пересчитаешь. Это как в войну было у нас в Юровке: почти в каждом доме не по одной семье эвакуированных привечали. Ну и детдомовцы, больше всего ленинградцы, куряне и воронежцы, прибегали к нам, как к себе домой. А в нашей да в бабушкиной избах испокон веку полно было народу — и охотники, и рыбаки, и цыгане, и просто подорожники находили приют. А в беду большую, сынок, сдруживаются все — и люди и птицы...

— Хорошо, пускай постоялый двор, но настоящие-то хозяева дятлы, правда? Чем же птички им за постой-прибежище заплатят? — с хитрецой прищурился Володька.

— Чем? А ты подумай, чем каждая птаха будет заниматься до самой осени.

— Песни петь, да?

— И песни, кто на них горазд, кто голосом вышел. Но какие певцы из сов или летучих мышей? А когда цыплята появятся, тогда и певунам не до развлечения.

— Понял, понял! — заторопился сын опять к осине, где давеча выронил у комля топор. В пол своего роста он гладко отесал сушину и простым карандашом старательно, как в прежние годы школьники на уроках чистописания, крупно вывел печатными буквами: «Постоялый двор». Отступил назад, полюбовался и добавил: «Птичий».

КРАСНАЯ ТЕТРАДКА

Скоро — на весеннюю вахту!

Не думай, что мы напоминаем тебе о весне раньше времени. Она не за горами, и, значит, всем защитникам природы надо готовиться к весенней вахте — охране подснежников.

В этом году на их защиту встанет гораздо больше ребят, чем прежде. **Операция «Подснежник», которая началась на страницах «Пионера» три года назад, подхвачена во многих городах, селах, областях нашей страны.** Об этом говорилось на совещании, которое проводило Всероссийское общество охраны природы в Москве в конце прошлого года. Все больше взрослых и ребят понимают свой долг перед природой, все больше людей становятся ее активными защитниками. Говоря об этом, участники совещания отмечали работу читатателей «Пионера» и, конечно, бессменного руководителя операции «Подснежник», члена Совета Красной тетрадки, писательницу **Надежду Августиновну НАДЕЖДИНУ.** За успешную работу по воспитанию у ребят любви к природе Н. А. Надеждина награждена грамотой Центрального совета ЦС ВПО имени В. И. Ленина и почетным знаком ВООП «За охрану природы России».

Итак, впереди новая весна, новая вахта защитников природы!

Не теряйте времени, готовьтесь уже сейчас: **проводите конкурсы в защиту первоцветов, узнавайте новое о первоцветах вашего края, рассказывайте об охране подснежников в школе, дома, во дворе, в детском саду.** Пусть этой весной не будет сорван ни один подснежник!

Выпуск подготовил журналист-международник Павел ГРИГОРЬЕВ

ДЕВИЗ — БОРЬБА И СОЛИДАРНОСТЬ

В сентябре прошлого года в столице Кубы Гаване прошла VI Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Движение неприсоединения возникло после второй мировой войны. Его участники — страны, освободившиеся от колониального рабства, — решили сообща бороться против зависимости от иностранных монополий, помогать друг другу в национально-освободительной борьбе, в строительстве новой жизни.

Об итогах VI Конференции неприсоединившихся стран мы попросили рассказать гостью «Пресс-центра» — Председателя федерации кубинских женщин, члена ЦК КП Кубы, члена Госсовета республики, вице-президента МДФЖ, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» **Вилму Эспин ГИЛЬОЙС.**

Движению неприсоединения есть чем гордиться: за последние годы добились независимости бывшие португальские колонии в Африке, завоевал независимость и объединился героический Вьетнам, исчез с лица планеты агрессивный блок СЕНТО, рухнул трон шаха в Иране, изгнан из Никарагуа кровавый диктатор Сомоса.

На нашей Конференции царил боевой дух. Делегаты выступали с речами-обвинениями империализму XX века. Все мы понимали — у нашего движения еще очень много неотложных задач: нависла угроза новой агрессии над Вьетнамом и Лаосом, разруху и голод оставили после бегства диктаторы в Никарагуа и Кампучии, мучают народ расисты на Юге Африки, несправедливо лишен родины многострадальный народ Палестины.

Делегаты решили еще крепче дружить и помогать друг другу в борьбе за свободу народов, за мир и прогресс. И уже в дни работы Конференции подтвердили свои слова делом. Стало известно, что над молодой независимой Доминикой пронесся страшный ураган, разрушил много зданий, унес сотни жизней. Тут же, как говорится, не выходя из зала, члены многих правительств решили оказать помощь пострадавшим: послать необходимые медикаменты и продовольствие доминиканцам.

А еще наш форум был проникнут заботой о будущем — о наших детях. Большинству развивающихся стран пока еще трудно обеспечить всех ребят едой, школами и больницами в достатке. Мы реши-

ли и в этом помогать друг другу.

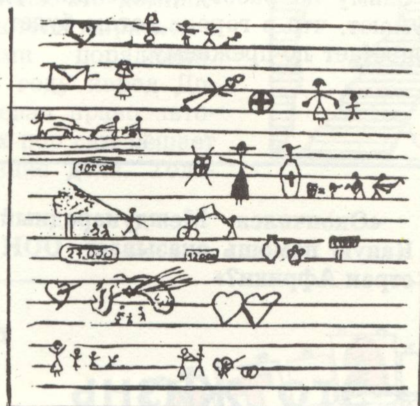
Мой народ одним из первых пришел на помощь патриотам Никарагуа. После кровопролитной битвы в этой стране осталось сорок тысяч сирот. Шесть тысяч маленьких никарагуанцев сейчас на Кубе. Им созданы все условия, чтобы нормально жить и учиться.

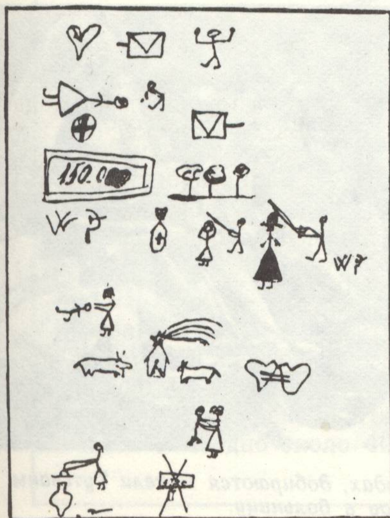
Укрощение атома

Две мартеновские и четыре электроплавильные печи не жалели жара на эту рекордную плавку. И вот — слиток весом двести тонн получили чехословацкие литейщики машиностроительного комбината имени В. И. Ленина в городе Пльзень. Еще тепленьким его отправили по железной дороге в город Остраву. Там на самом мощном кузнечном прессе страны из этого чудо-слитка выковали кольцо для котла атомного реактора.

Специалисты ЧССР начали выпускать оборудование для новостроек атомной энергетики. Скоро его получат атомные электростанции в странах — членах Совета Экономической Взаимопомощи. Люди заставят грозный атом служить мирным целям: обогревать дома, освещать помещения, приводить в движение машины.

Письма из каменного века

Нет, перед вами не шифр с «пляшущими человечками» из рассказа Конан Дойля о гениальном Шерлоке Холмсе. Тут нет никакой тайны: это письмо итальянской крестьянки из Сицилии своему мужу, уехавшему за границу в поисках работы. И ответ мужа жене.

— Но почему же эти люди объясняются такими странными письменами? — спросите вы. Да потому, что они неграмотны. Как неграмотны еще **16 миллионов** итальянцев.

Впрочем, это письмо мог написать и американец. Ведь в США почти **два с половиной миллиона** ребят не ходят в школу, **каждый пятый** взрослый — неграмотный.

Автором такого «письма» мог быть и латиноамериканец, потому что на этом континенте **33 миллиона** детей не учатся.

Этот печальный список можно было бы продолжать бесконечно долго. Давайте лучше подведем итоговую черту: во всем мире сегодня **800 миллионов** людей не умеют читать, писать. И все они живут в «свободном мире» капитализма.

Ты, читатель, встретишь такие письмена разве что в историческом музее — на бересте и

камне. Давно канули в прошлое и крестики, которые чертили вместо подписи в первые годы после Октября.

Сегодня в СССР более **137 тысяч** школ. В прошлом году в них училось почти **40 миллионов** советских ребят.

ТВОЙ РОВЕСНИК ЗА РУБЕЖОМ

Как Маем продали в рабство

Маленькие рабыни на фабрике в Бангкоке.

Тогда ей было двенадцать лет. Отец сказал, что возьмет ее с собой в столицу — город Бангкок. Маем страшно обрадовалась. Какой таиландец не мечтает побывать в столице! В их деревне о городе рассказывали такие чудеса! Маем не знала, что отец, бедный таиландский крестьянин, везет ее в город только за тем, чтобы продать фабриканту.

Сделка совершилась. Отец спрятал подальше восемьдесят долларов, а хозяин отвел Маем на кондитерскую фабрику. Там Маем познакомилась с полусотней таких же, как она, маленьких рабынь, привезенных из разных деревень. Они работали по пятнадцать часов в день на упаковке конфет. Денег им не платили, только кормили, и все. А спали они вповалку в одной комнате на втором этаже фабрики, полночи отбиваясь от тараканов.

За четыре месяца, что Маем работала на хозяина, две ее подруги умерли «неизвестно от чего». У шестерых отнялись ноги от долгого сидения на корточках. Маем и другим девочкам приходится таскать больных вверх и вниз по лестницам...

Такова судьба тысяч таиландских детей из голодных крестьянских семей. Их родители, бедные, неграмотные люди, охотно верят небылицам, которые рассказывают агенты по найму на работу (настоящие работорговцы XX века), и думают, что в городе детям будет лучше. Черный бизнес процветает по-прежнему.

ОТВЕЧАЕМ НА ВАШИ ПИСЬМА

«Окончился Международный год ребенка. Какую помощь оказывает ООН детям бедных стран Африки?»

Гена Сафонов, г. Симферополь.

Глоток воды — это жизнь

Грозовые тучи нависли над маленькой суданской деревушкой Тутсвана. Вот-вот хлынет с неба потоп. Но старики и дети сидят не шелохнувшись. Как завороженные, они следят за работой бурильщиков с нашивкой «Детский фонд ООН» на комбинезонах. Если эти люди не успеют добыть воду до начала бури, деревня еще долго будет пить мутноватую жижу из старого колодца, вырытого у дороги в незапамятные времена.

Но вот мастер бурильщиков жестом приглашает к насосу самого старого жителя деревни. Старик нерешительно нажимает рукоятку крана и... из него вдруг ударяет струя чистой ледяной воды. Толпа мгновенно окружает насос, малыши подставляют ладошки под благословенную струю...

Судан — одна из самых бедных африканских

Вот так, на верблюдах, добираются жители Тутсваны за сотню километров в больницу.

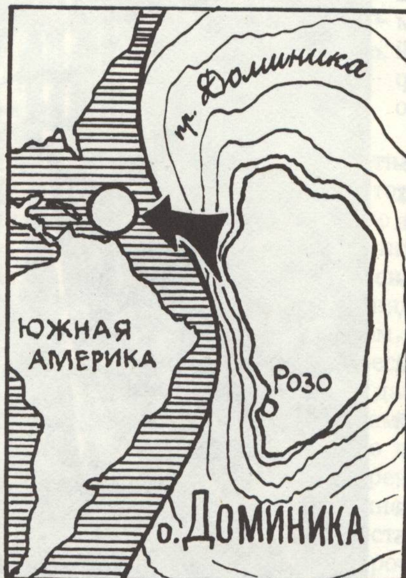
стран. Это государство пока еще не может обеспечить своих детей питьевой водой и медикаментами. Вот почему из каждых четверых маленьких суданцев лишь один доживает до года.

«Детский фонд ООН» уже установил в деревнях двести насосов. Но пока это лишь капля воды в иссушенной зноем пустыне, в которой затерялись деревни вроде Тутсваны.

НЕЗАВИСИМАЯ ДОМИНИКА

...1493 год. Испанский король принимает во дворце отважного Христофора Колумба, присоединившего к королевству новые заморские владения. «А что из себя представляет эта Доминика?» — спрашивает мореплавателя государь. Колумб берет в руки лист бумаги, комкает его в плотный клубок и кладет на стол: «Вот так выглядит этот остров, ваше величество!» Так он изобразил горный вулканический остров, расположенный на востоке Карибского моря.

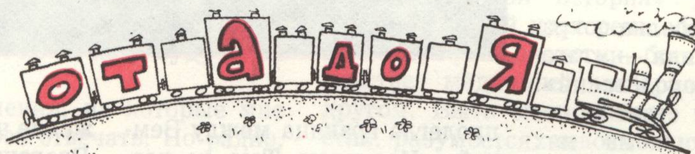
Позднее за владение Доминикой воевали Англия и Франция. Англия, в ту пору «владычица морей», выиграла дорогой приз. Но доминиканцы не захотели мириться с колониальными порядками. Уже в 1967 году народ Доминики завоевал право автономии и с тех пор сам решает свои внутренние дела. Только вопросы внешней политики и обороны разрешались в Лондоне.

Но и такое подчинение было не по нраву свободолюбивым доминиканцам, они продолжали борьбу и победили. Независимое государство носит имя — Содружество Доминики.

Территория Доминики невелика — 790 квадратных километров, а население 75 тысяч человек. Главное занятие островитян — сельское хозяйство: выращивание бананов и цитрусовых. Большинство доминиканцев — потомки рабов, вывезенных колонизаторами из Африки.

Те ребята, которые уже давно путешествуют с нами по политической карте мира, наверное, знают, что есть еще Доминиканская Республика. Она расположена на острове Гаити. Эти два государства нельзя путать.

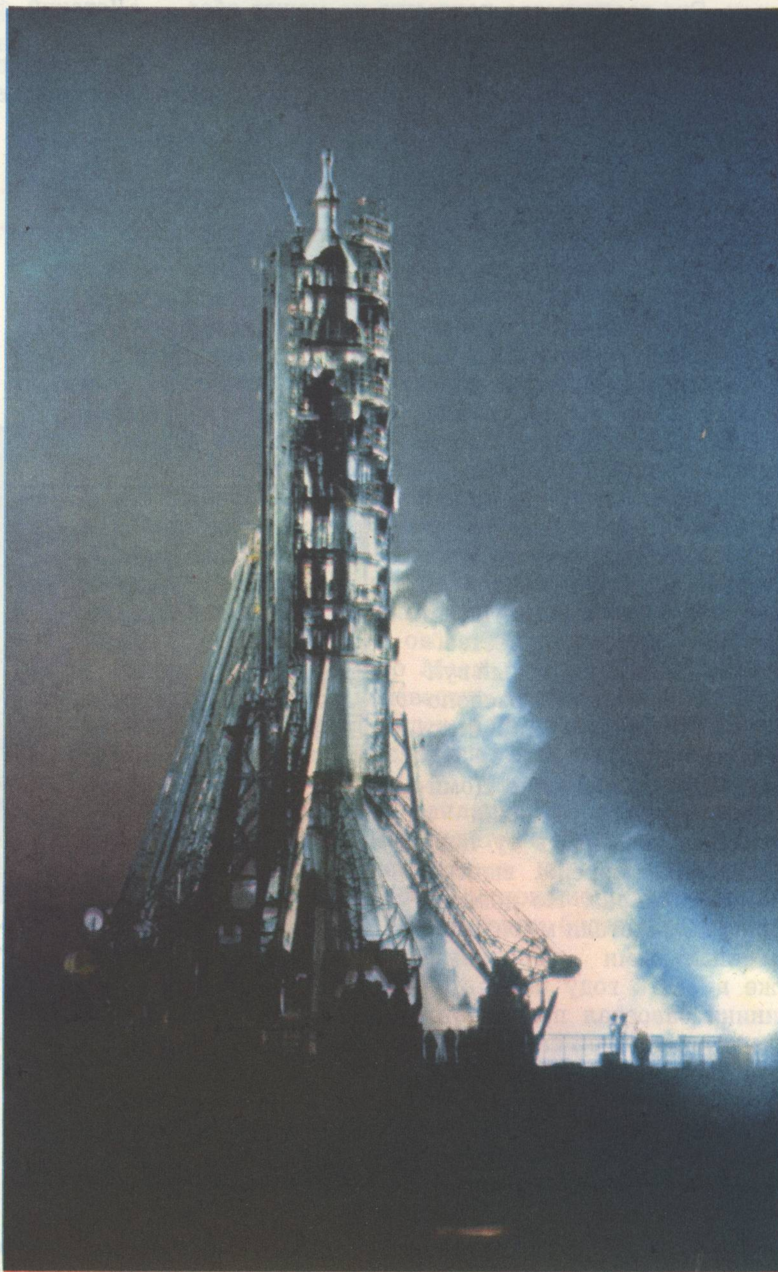

СЕНТО — сокращенное название империалистического блока, созданного в 1955 году. Первоначально он назывался Багдадским пактом и объединял Великобританию, Турцию, Иран, Ирак и Пакистан. Военно-политический блок СЕНТО защищал интересы империализма на Ближнем Востоке.

БИЗНЕС — так в капиталистических странах называют умение наживать деньги, нередко на чьей-нибудь беде. Самый прибыльный бизнес сегодня — производство оружия и торговля им. По данным Организации Объединенных Наций, на военные нужды тратится ежегодно около 400 миллиардов долларов.

КОСМОДРОМ

12 апреля 1961 года мир узнал о выдающемся подвиге, совершенном советскими людьми. Первый человек в космосе! И вместе с именем первопроходца Вселенной Юрия Гагарина на весь мир прозвучало незнакомое слово «Байконур»...

Небольшой поселок — несколько десятков деревянных домиков — таким был тогда Байконур.

Прошло чуть больше двадцати лет с тех пор, как здесь, в седую от соли землю казахской степи был вбит первый колышек. Рядом с космодромом вырос теперь большой современный город. Многоэтажные дома встали в степи, деревья украшают улицы, а не так-то просто вырастить там дерево — за каждым надо ухаживать, как за ребенком. Кинотеатры, магазины, библиотека, клубы, стадион, Дворец пионеров — все, что есть в любом городе, есть и здесь.

А от старого поселка сохранились два домика — «гагаринский» и «королёвский». В «гагаринском» стоят те самые две кровати — на них перед стартом спали Гагарин и его дублер Титов, на столике шахматы — накануне они сыграли партию... И в домике Королёва все так же, как было при Главном конструкторе.

Рядом с кроватью стоит тумбочка, на ней телефон. Королёву звонили в любое время суток, потому что работа на стартовом комплексе и в монтажно-испытательном корпусе не прекращалась ни на минуту.

Всего в нескольких километрах от домика Королёва пролегла граница между Землей и Космосом. Там, на космодроме, в монтажно-испытательном корпусе идет сборка корабля, подготовка его к старту. Оттуда корабль уходит в небо...

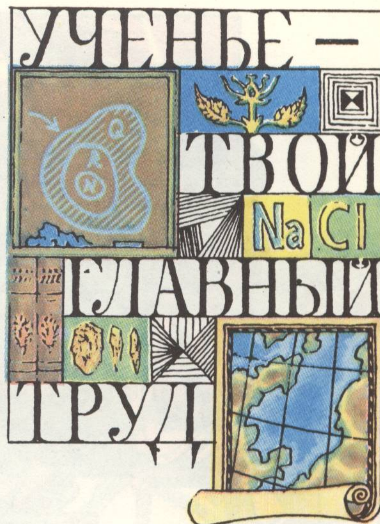
Первый искусственный спутник Земли и корабль Юрия Гагарина «Восток», автоматические станции к Луне, Марсу, Венере, пассажирские и грузовые корабли — все они готовятся к запуску здесь, на космических верфях. С этих стартовых комплексов — гигантских сооружений, которые просто поражают воображение человека, — идет штурм Вселенной.

Сейчас от города, на одной из улиц которого, раскинув длинные усы антенн, на высоком постаменте укреплен серебристый шарик — первый в мире искусственный спутник Земли, — до космодрома — десятки километров. Но иногда на улицах слышится гул ракетных двигателей, а если присмотреться внимательно, можно увидеть улетающую ввысь звезду.

В. ГУБАРЕВ,
лауреат
Государственной премии СССР
и премии Ленинского комсомола.

Вместе со своим отрядом шагаешь ты маршрутами Всесоюзного Марша «Пионеры всей страны делу Ленина верны!». Хорошо учиться — одна из главных забот каждого пионера, и в этом деле твои верные помощники — книги.

Писатель Сергей ЛЬВОВ рассказывает о книгах, об умении быть хорошим читателем.

Прекрасные читатели

Люди перестают мыслить, когда перестают читать.

Дени Дидро.

Сейчас нередко приходится слышать: «Мне читать некогда!»

А вот рассуждение читателя, который вообще-то читать не прочь, но только не классиков: «Книги Тургенева, Толстого, Чехова написаны много лет назад. С тех пор все изменилось. Зачем читать о том, что было и, как говорится, быльем поросло?!»

Еще один голос: «А современные книги написаны о том, что происходит сейчас. Это я и сам все прекрасно знаю!» Говорится это с вызовом. Мол, вот какой я! Не боюсь признаться в том, чего другие ни за что не скажут, хотя точно так думают.

Еще одно рассуждение: «Многие книги писались тогда, когда еще не было кино и телевидения. Зачем теперь читать «Войну и мир», «Анну Каренину», «Сагу о Форсайтах», «Мадам Бовари», если все это можно увидеть в кино или по телевидению?!»

А вот совсем другой голос. Отчаянное письмо от школьницы: «Помогите! Родители запрещают мне читать. Им кажется, я из-за книг буду хуже учиться».

Тут собраны вместе мнения, на которые мне в разное время приходилось отвечать. По радио, в журналах, письмами, на встречах с читателями. Правда, в последнем случае такие суждения высказываются не очень прямо. Не утверждением: «Читать не стоит...», а вопросом: «Стоит ли читать?»

Для ответа обратимся к мнению великих людей — знаменитых ученых, писателей, художников, политических деятелей, изобретателей. Какое место книга занимала в их жизни? Число великих людей, которые были неутомимыми читателями, огромно. Даже не знаю, на каких примерах остановиться! Книга нередко определяла их путь и профессию, подсказывала гениальные открытия или изобретения, вдохновляла важнейшие сочинения.

Начнем с древности. Если бы была написана всемирная история знаменитых читателей, одно из самых почетных мест занял бы в ней римлянин Плиний Старший, который жил в I веке нашей эры. Его биография опровергает распространенную точку зрения, что люди, которые любят читать, сидят над книгой сиднем и малодеятельны. Плиний Старший был офицером, потом чиновником, много путешествовал. И где бы ни был, беспрерывно читал. За обедом, в путешествиях, даже в банях, где римляне проводили много времени. (Бани Древнего Рима служили не только для омовения тела, но были местом, где встречались и беседовали знакомые, где произносились речи, обсуждались последние события и новости.)

Из всего прочитанного Плиний непременно делал выписки. Он написал множество сочинений. Самое главное — «Естественная история». Чтобы написать ее, Плиний, по собственным словам, прочитал две тысячи работ других авторов.

«Естественная история» дошла до нашего времени. В ней идет речь об астрономии, физике, географии, зоологии, ботанике, сельском хозяйстве, медицине, минералогии и о многом другом. Быть специалистом во всех этих областях, разумеется, невозможно. Плиний Старший во многом полагался на тех, кого читал. Его огромное сочинение написано неровно, в нем немало ошибок, но оно позволяет нам ярко представить себе, что знали и думали во времена Плиния.

Мысленно переносимся через много веков в Италию.

В семье деревенского сапожника рос мальчик, будущий революционер и философ Томмазо Кампанелла. Посещать школу он не мог: семья была слишком бедна. Слушал уроки, стоя у раскрытого окна школы. Скоро Кампанелла опередил всех учеников. Позже он стал монахом (тогда это было едва ли не главным путем к образованности). Спустя несколько лет его познания вышли далеко за пределы того, что полагалось знать монаху. Огромное образование, которое

Страстные читатели были во все времена: и в древности...

поражало современников, он приобрел неутомимым чтением. Его обвиняли в ереси. Когда инквизиторы допрашивали его, они сказали, что столько знаний без помощи черта не приобретешь. Кампанелла гордо ответил им: «Чтобы обладать моими познаниями, мне пришлось в течение бессонных ночей сжечь в светильнике больше масла, чем вы за всю вашу жизнь выпили вина».

За участие в революционном заговоре и по обвинению в ереси Кампанелла был приговорен к пожизненному тюремному заключению и провел в тюрьме почти тридцать лет. Вышел он из нее под старость.

Все годы заключения, как только выдавалась

...и в средние века...

возможность, Кампанелла работал: читал, если ему давали книги, писал, если давали бумагу. Если не давали ни книг, ни бумаги, вспоминал прочитанное и размышлял о нем.

В самые трудные дни следствия, когда Кампанеллу жестоко пытали, и в мрачные дни бесконечно долгого тюремного заключения он писал стихи.

Начальные строки одного из стихотворений Кампанеллы «Дух бессмертный» с восторгом повторит каждый книгочей:

Я в горстке мозга весь, — а пожираю
Так много книг, что мир их не вместит.
Мне не насытить алчный аппетит —
Я с голоду все время умираю.

Перевод С. В. Шервинского.

А другое стихотворение Кампанеллы начинается словами: «Мир — книга».

Через всю долгую трагическую жизнь Кампанеллы прошло глубочайшее уважение к книге. Он и сам оставил после себя множество сочинений. Самое знаменитое из них — «Город Солнца» — пророчество о государстве будущего, разумном и справедливом. Все его сочинения, в том числе и «Город Солнца», опираются на прочитанные книги.

Во всех биографиях страстных читателей есть нечто общее. Чтобы удовлетворить тягу к книге, им приходилось преодолевать немалые трудности, а часто даже и опасности. Как позавидовали бы они тем, кто может читать без помех! Как удивились бы, что не все пользуются этой возможностью! Неутомимое чтение не притупило творческой, созидательной силы этих великих читателей, а развило ее. Каждый из них прибавил к горам прочитанных чужих книг и свои, каждый запечатлел свое имя в истории человечества.

Влечение к книгам часто толкает книгочеев на, казалось бы, неожиданные поступки.

Будущий английский физик Майкл Фарадей смолоду не сумел получить систематического образования. Покупать книги ему было не по средствам. А читать хотелось больше всего на свете. Чтобы получить доступ к книгам, он поступил в мастерскую переплетчика. Снимая со старых томов обветшавшие переплеты, разглаживая помятые и подклеивая порванные страницы, он ловил каждую минуту, чтобы заглянуть в книгу, которая была у него в работе.

Особенно приковали его внимание статьи об электричестве в Британской энциклопедии, статьи, в которых еще не было ни слова ни о динамо-машине, ни об электромоторах, их еще предстояло изобрести. Это были статьи, где главным образом речь шла об опытах Вольта и Гальвани, об электрофорной машине, о лейденской банке, но для юного Фарадея не было чтения увлекательнее.

А у знаменитого американского изобретателя Томаса Альвы Эдисона была мечта прочитать труды Фарадея. Эдисон работал тогда кондук-

тором на железной дороге и часто ездил в ночную смену. В день, когда он наконец купил книги Фарадея, Эдисон пришел домой со смены только в четыре часа утра, решил вообще не ложиться спать и погрузился в чтение.

Эдисон был гениальным изобретателем, но не теоретиком. Ему было свойственно в высшей степени практическое мышление. Это проявилось, между прочим, в задачах, которые он задавал молодым людям, желавшим работать с ним, когда он уже стал знаменитым. Может показаться, что и чтение его должно было быть направлено только на практические цели. Ничего подобного.

Великий изобретатель увлекался книгами по истории. Он много раз перечитал роман Гюго «Отверженные» и знал из него на память целые страницы. Он проштудировал библиотеку книг по естественным наукам, причем часто это были книги, очень далекие от тех областей, в которых он трудился.

Странность? Чудачество? Нет, прекрасная традиция. Ее можно проследить, если обратиться к примеру нескольких разных эпох. Великий физик и астроном Галилео Галилей в юности изучал литературу по математике и механике, но также древних поэтов — Вергилия, Овидия, Горация. Он внимательно читал Данте и даже выступил с лекцией о поэме Данте «Божественная комедия».

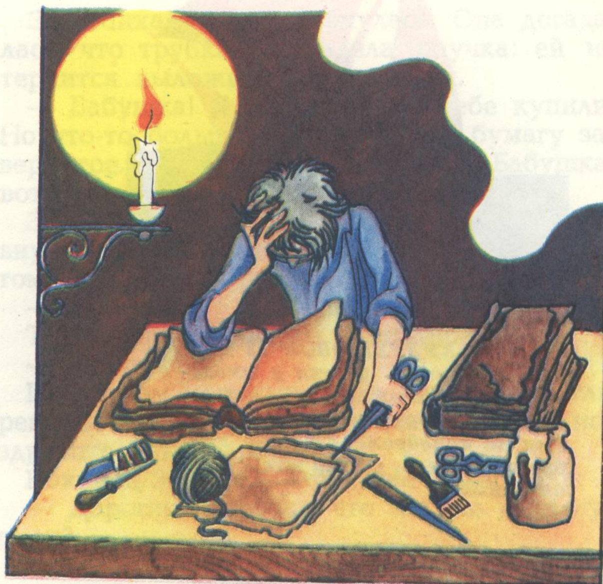
Когда встречаются выдающаяся книга и выдающийся человек, рассуждения о том, что эта книга не по его специальности, теряют смысл. Такой человек привык мыслить и в русле своей специальности и далеко за ее пределами. Все, что углубляет и расширяет человеческое мышление, все, что шире открывает картину мира, — для него по специальности.

Страстным собирателем и читателем книг был Александр Сергеевич Пушкин. Смертельно раненный, он, умирая, обратил последнее слово к книгам своей библиотеки: «Прощайте, друзья». Это место в воспоминаниях о нем всегда наполняет душу волнением. Представляешь себе кабинет, в котором он умирал в доме на Мойке. Письменный стол, полки, тесно заставленные книгами. И вспоминаешь, что еще лицеистом Пушкин посвятил прекрасные, радостные стихи любимым книгам:

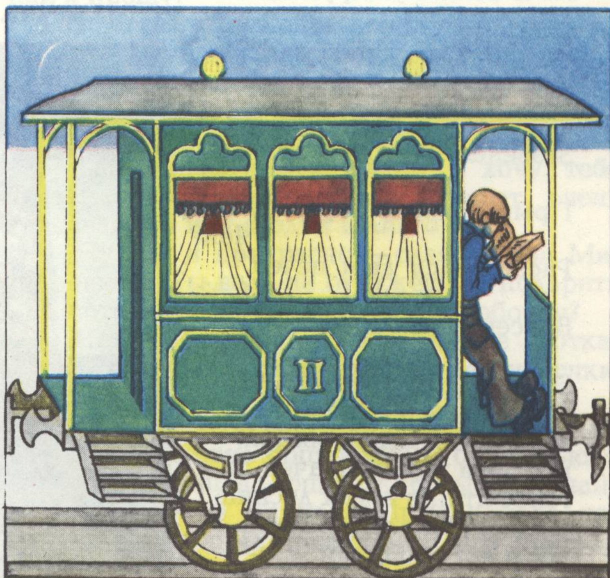
Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.

Пушкин любил чтение — работу. Такое, когда перед глазами книга, а в руках карандаш для отметок (в своей книге отметки карандашом делать можно!), перо для выписок, бумага. Места, которые привлекали его внимание, он подчеркивал в тексте или отчеркивал на полях, иногда ставил рядом с ними знаки, выражающие сомнение, удивление. Была у Пушкина и другая привычка: вкладывать в книги маленькие листки бумаги со своими замечаниями.

Тем, кому кажется, что книги могут помешать учиться, стоит вспомнить слова Пушкина: «Чтение — вот лучшее учение». Их цитируют нередко. Гораздо реже говорят о том, что сказаны они были не кому-нибудь, а младшему брату Льву. Пушкин горячо любил его, хотел, чтобы брат стал образованным человеком и как главное к тому средство посоветовал чтение.

Читали ночами, при свече, ловили каждую минуту, чтобы заглянуть в книгу...

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Светлане КУДРЯШОВОЙ 12 лет. Она москвичка, учится в школе № 648, в шестом классе. Светлана любит ездить верхом, занимается на ипподроме. Еще она любит рисовать и, как видите, сочиняет стихи.

ТРОЙКА

Колокольчик звонко бьется,
плачет под дугой.
Тройка мчит, а у дороги
лес стоит рябой.
Лошади согнули шеи,
скачут, торопясь.
Ленточка кнута над ними
ласточкой взвилась.
Как же быстро мчатся кони!
Снег из-под копыт.
Выгнулась дуга упруго,
лес вокруг шумит.
Белка рыжая шмыгнула
в белы хорома.
Как же ты сейчас прекрасна,
русская зима!

ТУМАНЫ

Расстелились туманы, поплыли над лугами,
ходят вòроны кони по колено в тумане.
Под копытами речка плещет песню кому-то...
Ходят кони в тумане, шеи выгнуты круто.
Ночь взмахнула рукою, в небо звезды роняя...
Ходят кони в тумане, в воду морды макая.

ЧЕЙ?

Зазвенел в бору ручей.
Чей?
Прыгнул конь через ручей.
Чей?
Расстелился дым печей.
Чей?
Вкусен запах калачей.
Чей?
Этот мир подарен нам,
и разделим пополам
звон мечей и дым свечей,
вкусный запах калачей,
голос птиц и взмах десниц,
шелест книжек и ресниц,
лес и все тропинки там —
все разделим пополам!

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Фыркает соловая лошадка,
бьет копытом, вбок косит с оглядкой,
Снег одел в попону две березы —
«Так вам и стоять, пока морозы!»,
ледяной уздой взнуздал ручей —
«Отдохнешь маленько от речей!»,
затянул ледком большую лужу —
«Вот теперь и не замерзнешь в стужу!»
Так заботлив дедушка снежок!
В зиму первый лесу он дружок!
Фыркает соловая лошадка,
инеем сверкает челки прядка.
Мы замерзли! Дедушка Мороз
щиплет и кусает нас за нос!

* * *

Малиновая лошадь по улице идет,
сиреневую кошку на поводке ведет,
а рядом сивый мерин взлетел на светофор
и к облаку подвесил бумажный полотер.

Осел вспорхнул на вышку и смотрит
с высоты,
дорогу переходят квадратные коты.
Танцует и смеется, веселия полна,
сиреневая кошка, абстрактная страна!

*

На этих страницах ты видишь две работы из тех, которые были присланы на международный конкурс детских рисунков «Я вижу мир». Конкурс посвящен XXII Олимпийским играм.

СЛОЖНАЯ ЗАДАЧА.
Романс НОРДЕНС, 9 лет.

В ЗИМНЕМ СЕРЕБРЕ.
Коля ИЩЕНКО, 9 лет.

*

Максим ЗВЕРЕВ живет в городе Алма-Ата, учится в четвертом классе школы № 133, которая носит имя Михаила Юрьевича Лермонтова.

НАША БЕЛКА

У нас на дубе белка есть,
Мы утром носим ей поесть.
Как только скрипнет лесенка,
Она бежит с скворечника.

*

Галя КУЛИК — москвичка, учится в седьмом классе школы № 139. Галя пишет рассказы, иногда смешные, а иногда насмешливые.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БАБУШКИ

Утро. На кухонной плите фырчит чайник. Сегодня у Зои Михайловны день рождения. Но гостей она ждет только к вечеру. А сейчас можно, не торопясь, выпить чашечку горячего чая.

У Зои Михайловны праздничное настроение. Она заваривает чай покрепче и присаживается к кухонному столику, на котором стоит любимая чашка — с золотым ободком и незабудками по тонкому фарфору.

Зазвонил телефон.

Зоя Михайловна с сожалением отставила чашку и встала.

В трубке раздался веселый голос дочери:

— Мамочка, поздравляю тебя и желаю...

Но тут голос дочери прервался. Трубка запыхтела, и из нее понеслись, спотыкаясь, налетая друг на друга, звонкие слова:

— Бабушка! А мама тебе что-то купила...

Зоя Михайловна улыбнулась. Она догадалась, что трубкой завладела внучка: ей не терпится выложить все секреты.

— Бабушка! Я не знаю, что тебе купили. Но что-то большое и тяжелое. В бумагу завернутое. Ленточкой перевязанное. Бабушка, вот интересно, правда?

Зоя Михайловна не успела согласиться с внучкой. Трубка кашлянула, помычала, потом сердито зафыркала.

— Мамочка!

Трубка поперхнулась. Трах-тарарах!

— Бабушка!

На другом конце провода никак не могли решить, чья очередь говорить бабушке поздравительные слова.

Наконец Зоя Михайловна не выдержала:

— Дорогие мои, так что же вы мне купили?

— Мамочка, мы решили подарить тебе шоколадный набор. Я не хотела говорить тебе до поры до времени, но Светочка опередила события.

У Зои Михайловны стало тепло на сердце. Дочь знает, что Зоя Михайловна обожает крепкий чай. В прошлом году подарила чашку с голубыми незабудками. А теперь вот — набор конфет. Умница!

И вдруг где-то вдали, словно из-под ватной подушки, послышался тонкий плач. Плач доносился из трубки. Детский голосок причитал:

— А-а-а! А как же я? Бабушке купили, а мне не купили, да?

Столько обиды и горя было в этом слабом голоске, что Зоя Михайловна сразу же закричала в трубку:

— Валя, Валя, пожалуйста, отдай конфеты Светочке. Слышишь меня? Немедленно отдай! И не спорь со мной.

— Но...— Дочь попыталась возражать.

— Это мой день рождения,— решительно сказала Зоя Михайловна.— И если ты хочешь, чтобы мне было хорошо, сделай так, как я прошу.

Трубка растерянно молчала.

Потом трубка стала сопеть, всхлипывать и непонятно шепелявить.

— Что такое? — спросила Зоя Михайловна.— Ничего не разберу. Это ты, Валя?

— Бабуленька, это я, Света. Я хочу тебе сказать, что коробочка для конфет очень красивая. На ней ягодки и листочки.

— Ну вот и прекрасно,— сказала Зоя Михайловна.— Ты ведь не откажешься подарить мне потом эту замечательную коробочку?

— Нет,— всхлипнула Света,— не откажусь. Ты будешь складывать в нее ниточки и иголочки.

— Большое тебе спасибо, внученька!

Зоя Михайловна попрощалась с дочерью и внучкой и пошла допивать остывший чай. Весь день ее не оставляло праздничное настроение. Она с нетерпением ждала приезда счастливой Светочки.

ТВОЯ ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Твоя пионерская организация, дорогой друг, родилась на заре Советской власти. 19 мая 1922 года — день ее рождения. Эту дату отмечает вся страна.

Великий Ленин говорил: «Организация детей — это лучший путь воспитать коммунаров». Он мечтал о том, чтобы советские ребята росли настоящими коммунистами. Это главная цель и задача Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина — массовой, самодеятельной коммунистической организации детей и подростков от 10 до 15 лет, смены и резерва Ленинского комсомола.

ВСЕСОЮЗНАЯ

Это значит — организация детей всей страны, в нее входят пионерские организации пятнадцати союзных республик. Все пионеры Советского Союза — единая дружная семья.

ИМЕНИ ЛЕНИНА

Самое прекрасное на нашей советской земле народ называет именем вождя революции. Имя Ленина пионерской организации было присвоено в январе 1924 года. Называться юными ленинцами почетно и ответственно.

За большие заслуги перед нашим народом твоя организация дважды награждена орденом Ленина — в 1962 и 1972 годах. Получая награду в год пятидесятилетия пионерской организации, лучшие из лучших представителей пионерских организаций всех союзных республик дали в Кремлевском Дворце съездов эту торжественную клятву:

Дорогой Партии идти
Всегда готовы!
Страну Советскую
любить
Всегда готовы!
Достойной сменой
старшим быть
Всегда готовы!
Дружбу братскую
крепить
Всегда готовы!
Как завещал нам
Ленин жить,
Всегда готовы!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ

Это значит, что вместе с коммунистами и комсомольцами, всем народом юные ленинцы помогают старшим строить самое справедливое общество на земле — коммунизм. «Вместе с партией, вместе с народом!» — вот боевой клич всех пионерских поколений.

МАССОВАЯ

В первые годы в пионерских отрядах было мало ребят, в основном дети рабочих. Комсомол сделал все, чтобы такие отряды были созданы повсюду. И сейчас твоя организация объединяет всех ребят пионерского возраста, любой национальности, где бы они ни жили. По праву детство в нашей стране называют пионерским.

САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ

Это значит — боевая, активная организация, где пионеры сами действуют, не ждут подсказки, где они настоящие хозяева своих пионерских коллективов и под руководством коммунистов и комсомольцев своих комиссаров решают сообща все пионерские дела.

Каждый, кто хочет стать пионером, вступает в ряды пионерской организации добровольно, по своему личному желанию, каждый добровольно обязуется выполнять Торжественное обещание и Законы пионеров. Выполнять эти Законы значит всегда и во всем быть верным заветам великого Ленина, своему честному пионерскому слову, дорожить красным пионерским галстуком, готовиться стать комсомольцем.

День рождения пионерской организации отмечает вся страна.

МАРШРУТАМИ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

ПРО РИТУ АНОХИНУ И ЕЕ ДРУЗЕЙ

А. БАРАНОВ

Рисунки В. ДУДКИНА.

Невинномысский химический комбинат. На этих установках получают газ аммиак — основу многих минеральных удобрений.

Смену принимали, как всегда, спокойно, без суеты. Проверили показания приборов, заполнили первые строчки в журнале наблюдений.

Стасик Сундиев крошил булку над аквариумом, но смотрел он не на золотых рыбок. Кажется, не только он, но вся смена следила сейчас за колонной синтеза, где у пульта управления сидела Рита Анохина. И хотя работать на многих аппаратах значительно сложнее, колонна синтеза все же считается главным блоком. Здесь получают готовую продукцию — аммиак, газ, необходимый для производства удобрений.

Начальник смены Виктор Перепечко сидел за столом, на котором сверкала игрушками маленькая елочка — подарок учеников подшефного класса, — и листал «бортовой» журнал. Все шло обычным порядком, если не считать того, что в этот день смена Перепечко, по расчетам экономистов цеха, должна была закончить свою пятилетку. И работали молодые химики в эти часы на сэкономленном, или, как выразился мастер, «на собственном», сырье, электроэнергии и паре.

— Всех-всех поздравляю! — объявила наконец Рита. — Есть первые шестнадцать тонн. С двумя десятыми.

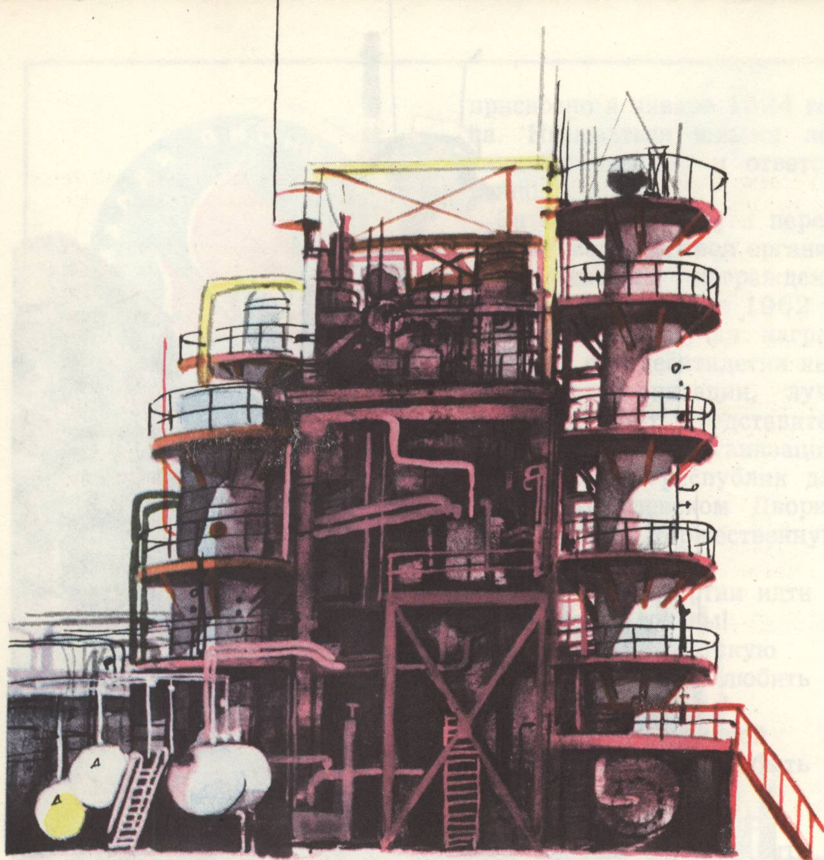
Поздравление встретили радостно, хотя 16,2 тонны аммиака в час вовсе не были рекордом смены. Молодые химики все время работают с превышением норм почти на треть! Как же они этого добиваются?

— Помогают знания, — говорит Перепечко.

— И опыт, — добавляет Баронин, признанный в цехе лучшим по профессии.

— И еще интуиция, — это Рита Анохина, — без интуиции в нашем деле ничего не добьешься...

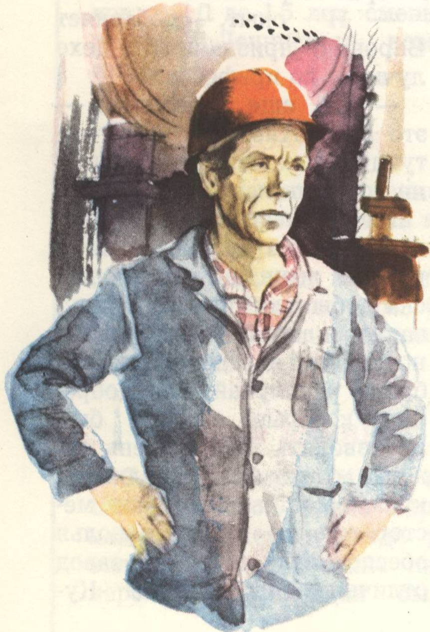
Рита только пошла в школу, когда на дальнем пустыре, где жители Невинномысска добывали песок и глину, началось строительство азотнотукового завода. Место выбрали не случайно. Удобрения, которые должен был производить завод, очень нужны совхозам и колхозам края. Мощные газовые месторождения Ставрополья обеспечивали будущий завод отличным сырьем, а Ку-

Еще один цех комбината — здесь получают бутиловый спирт, сырье для химической промышленности.

бань — водой; относительно мягкий климат давал возможность вести стройку без «зимних каникул», а хорошие дороги надежно связывали тех, кто ждет продукцию завода, с самим заводом.

Анатолий Васильевич Золин — Герой Социалистического Труда, бригадир слесарей.

В марте 1960 года строительство Невинномысского химкомбината было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. По комсомольским путевкам приехали тысячи человек, но многие из них не имели строительных специальностей. Штаб стройки и комитет комсомола треста организовали курсы повышения квалификации, школы передовых методов труда и даже университеты мастерства. Учились все строители. Многие из них одновременно учились и строительному делу и готовились в будущем работать на заводе, где природный газ будет превращаться в минеральные удобрения.

В школах Невинномысска химия в то время стала самым любимым предметом. И не случайно Рита после выпускных экзаменов отнесла документы в химико-технологический техникум.

Виктор Перепечко учился в этом же техникуме, только заочно. Едва он защитил диплом, его назначили начальником смены.

Казалось бы, собрались у Виктора в смене разные люди, кто-то пришел случайно. Но уже вскоре они стали единым коллективом. Объединили их общее дело и общая любовь к нему. И учеба. Учились все, и мастер вместе со всеми. Они учились считать резервы производства, учились работать на оптимальных режимах.

Что это такое — оптимальный режим?

Вот, скажем, Рита Анохина управляет реакцией синтеза аммиака. Эта реакция идет при температуре от 480 до 540 градусов. Если Рита будет постоянно удерживать температуру в этих пределах, никто ей не сможет предъявить никаких претензий. Но Рита знает, что внутри температурных границ, определенных правилами, есть еще «окошко», в пределах которого реакция протекает наиболее интенсивно. Конечно, знают об этом и технологи, но они понимают, что удержать процесс в оптимальном режиме может только очень опытный рабочий. Поэтому все оборудование спроектировано в расчете на «обыкновенного» рабочего и допускает более или менее широкий интервал границ. Работать же на оптимальном режиме вдвое-втрое сложней и рискованней. Нужно обладать опытом, знаниями и чутьем, чтобы провести реакцию по «самому краешку», как говорит Перепечко. Рита это может, и товарищи ее могут. Вот почему уже через год после своего создания комсомольско - молодежный коллектив цеха 1 «а» был признан победителем социалистического соревнования и с тех пор постоянно входит в

Алла Валентиновна Кучерявая — депутат Верховного Совета СССР. Она работает на комбинате аппаратчицей.

число лидеров соревнования.

Успехи Невинномысского производственного объединения «Азот» широко известны в химической отрасли. И в этом немалая заслуга смены Виктора Перепечко.

В этих башнях образуются гранулы аммиачной селитры, ценного химического удобрения.

«ЧЕМПИОНЫ»

Условие было заманчивым: звание чемпионов школы по мини-футболу и порция мороженого каждому. Мы приняли вызов параллельного класса.

В нашу команду вошли «самые-самые». Один нападающий знал поименно всех игроков «Нефтчи». Другой мог до хрипоты истолковывать любое спорное положение в нашу пользу. Защитник был самым высоким парнем в классе. Его рост гасил силу любого пробитого по нему мяча. В воротах стоял лучший прыгун школы: его прыжок был всего на два метра ниже мирового рекорда. Наш капитан обладал ударом Ривелино и бутсами фирмы «Пума». Разве такая команда может проиграть?!

Несмотря на все наши преимущества, игра шла вяло. Соперники держали оборону и редко переходили к атакам. Но вот наш нападающий рванулся к воротам, получил мяч и пробил его в верхний угол. 1 : 0! Противники, прямо скажем, не ожидали такого начала. Но неудача только подстегнула их. Они очертя голову бросились в атаку. В результате счет 1 : 1.

После перерыва играли жестко, защитники нетерпеливо переигрывали нападающих. И все равно матч закончился не в нашу пользу — 1 : 2. Противники обозвали нас чемпионами по прыжкам в сторону. Мало того, что мы остались без мороженого, над нашей достойной командой еще и насмехаются! И мы, не сговариваясь, полезли в драку.

Вадим НОВИКОВ, г. Москва.

КАК ТРУДНО БЫЛО РАССТАВАТЬСЯ...

С первого сентября мы учимся в новой школе. Здесь большие и светлые классы, новые парты, отличный спортзал. И все-таки со старой школой было очень трудно расставаться. Мы так привыкли к ней, что считали ее вторым нашим домом. Она очень старая, была построена еще до революции. Из ее стен вышли многие замечательные люди. В старой школе мы часто встречались с известными писателями, поэтами, композиторами.

Мы никогда не забудем нашу старую школу.

Ученики 7 класса Черневской средней школы. Московская область.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, «РОВЕСНИК»!

Наш пионерский клуб «Ровесник» очень молод. На эмблеме клуба изображены мальчик и девочка, выпускающие в небо белых голубей. Мы хотим, чтобы люди всей земли дружили между собой, чтобы никогда не было войны, чтобы никогда на земле не убивали детей.

Мы часто проводим тимуровские рейды, оказываем шефскую помощь детскому саду, встречаемся с интересными людьми.

Недавно «Ровесник» вызвал на соревнование семиклассников из села Талое. Мы избрали комитет, который будет следить за успехами ребят в пионерских делах, учебе и труде и к концу года подведет итоги. Очень интересно прошла наша встреча с ребятами из села Талое. Мы показали концертную программу, устроили чаепитие у русского самовара. До позднего вечера не смолкали шутки и смех. Мы подружились.

Часто ходим в кино, ездим в цирк в Красноярск. А в одно из воскресений все члены клуба ходили в поход в лес. Было очень приятно посидеть у костра, попеть любимые песни, помечтать.

У нас много планов: съездить в село Шушенское, в красноярский заповедник «Столбы». Все праздники мы решили проводить вместе, и еще мы будем коллективно отмечать дни рождения наших ребят.

Сейчас мы готовим театрализованный праздник, на котором ребята продемонстрируют старинные обычаи и обряды. Конечно же, на этот праздник мы пригласим наших друзей — семиклассников из села Талое.

Пока еще не все получается так, как нам бы хотелось. Но ведь наш клуб еще молод, мы только начинаем. И впереди у нас много нужных и интересных дел.

Надя ГЛАДЬКО, 7-й класс, пос. Калинино, Красноярского края.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Расскажи о крепостных крестьянах.

Ученик. Это те, которые строят крепость.

Лена Федосеева,
Куйбышевская область.

* * *

Учитель. Как называли себя последователи Яна Гуса?

Ученик. Гусятами.

Л. Чешкова,
дер. Жуковка,
Брянская область.

* * *

Учительница. Ребята, на прошлом уроке мы говорили о рабовладельцах Древней Греции. Как они назывались?

Ученица. Амфоры.

Света Язовашх,
г. Ашхабад.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Кто населяет Новую Зеландию?

Ученик. Остров Новая Зеландия заселен майорами.

Света Даньковская
и Наташа Лесникова,
пос. Горный,
Хабаровский край.

НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

Учитель. Что нужно делать с дробью при делении?

Ученик. Эту дробь нужно перевернуть кверху ногами.

Таня Суконкина
и Светлана Чумазова,
дер. Лучки,
Брянская область.

Из школьных сочинений

«Мы с папой сняли скворечник и увидели перья — это была кошка».

«Он был одет в темное пальто и очки».

«Когда я захожу в комнату друга, мне в глаза бросается вешалка».

«За оградой показалась рассерженная голова».

«Гаврик посмотрел на море и увидел моряка, увозившего шаланду».

«Чацкий имел голубые глаза и карие ресницы».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА. Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

Время по Солнцу

«Почему наш календарь называется новым, а что, был еще какой-то старый календарь?»

Миша Минаев, 4-й класс, г. Москва.

Календари появились очень давно — тысячи лет назад. И в первую очередь у тех народов, которые занимались земледелием, наблюдали за сменой времен года. У разных народов были разные календари: кто считал время по Солнцу, кто по Луне...

Пять тысяч лет назад самый точный календарь был у древних египтян: солнечный. Год они делили так же, как и мы сейчас, на 12 месяцев или на 365 дней. Новый год наступал с весенним разливом Нила и первым утренним восходом звезды Сириус. Но так как египтяне не знали тогда, что год — это не ровно 365 дней, а еще и «хвостик» из часов и минут, то каждые четыре года набегало расхождение в один день между природным календарем и календарем, рассчитанным египтянами. Поэтому у египтян было два Новых года — один календарный, а другой, связанный с восходом Сириуса.

Когда римляне превратили Египет в свою провинцию, император Юлий Цезарь ввел в Риме египетский календарь. Но с поправкой: через каждые четыре года к февралю прибавляли лишний день. Такой год назывался високосным. Юлианский календарь был принят почти во всех странах Европы.

Однако и он был не совсем точным. Земля оборачивается вокруг Солнца за 365 дней 4 часа 48 минут и 46 секунд. Это впервые рассчитал итальянский астроном Лилио. Не учтенные со времен завоевания Египта минуты и секунды сложились к 1582 году в десять суток. Тогда римский папа Григорий XIII издал указ: следующим днем после четверга 4 октября считать пятницу 15 октября. А чтобы со временем опять не появилось расхождение, из каждых 400 лет выбрасывать 3 дня. Таким образом, за 400 лет получится не 100 високосных дней, а 97. Вот этот Григорианский календарь и считается новым.

В России до Петра I был свой календарь, не такой, как в Риме и других европейских странах. Петр I ввел Юлианский календарь. Он-то и считается у нас старым, про допетровский уж все давно забыли. А Григорианский календарь у нас был введен только после Великой Октябрьской революции.

Р. И. РУБИНШТЕЙН

Стегозавры и другие

«Я смотрел кинофильм «Легенда о динозавре». У меня возникли вопросы. Чем динозавры питались? Когда и почему они вымерли? Можно ли сейчас вывести таких сильных животных и применять их в работе?»

Саша Пронин, 4-й класс, г. Оренбург.

Динозавров существовало несколько сотен видов. И питались они разной пищей. Были динозавры хищные: мегалозавры, тиранозавры... Были травоядные, например, стегозавры. Некоторые виды динозавров были всеядными, то есть могли есть и растения и мелких животных. Крупные динозавры — диплодоки (длина их достигала 25 метров и более, вес — свыше 10 тонн!) — питались водорослями.

Динозавры существовали на Земле в течение 150 миллионов лет. Неодновременно все виды динозавров появились и неодновременно вымерли. В одни геологические периоды из-за мощных горообразований сокращалась площадь, пригодная для обитания динозавров, и некоторые виды погибали, количество их в этих местах резко сокращалось.

В другие периоды, когда горы разрушались, океан наступал на сушу, климат становился совсем мягким — буйно разрастались травы, и появлялись новые виды динозавров.

Последние виды динозавров вымерли 70 миллионов лет назад.

Они обитали на небольшой территории Северной Америки, окруженной с одной стороны океаном, с другой — высокими горными хребтами. Это было время очередного горообразования. Постепенно климат здесь стал более суровым, холодным. Птицы — родственники динозавров могли улететь. Мелкие пресмыкающиеся — ящерицы, черепахи — зимой впадали в спячку, а динозавры из-за своих размеров не могли найти подходящего для спячки убежища. Не смогли они также ни уйти из этого района через горы, ни уплыть по морю.

Вывести сейчас динозавров мы, конечно, не можем. Любые животные, которые исчезли с нашей планеты, не могут появиться вновь и не могут быть искусственно выведены человеком.

А. К. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
старший научный сотрудник
Палеонтологического института АН СССР

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

ВСТРЕЧА

Е. ТАРАСОВА

Рисунок Е. МЕДВЕДЕВА.

О возвращении Рубановых Аринка услышала перед самым обедом. Ей, конечно, захотелось прежде чем садиться за стол тут же побежать поздороваться с Игорем. Но не успела она сообщить об этом своем желании маме, как мама сама заговорила:

— Странно: Рубановы в городе с утра, а до сих пор Игорь не выбрал времени повидаться с тобой, ведь какие были друзья — водой не разольешь.

Аринка молча склонилась над столом, неожиданно почувствовав обиду на Игоря: действительно, почему он первый не мог подняться к ним?

Но когда с едой наконец было покончено и мама чем-то занялась на кухне, она, забыв об этой вдруг возникшей обиде, проскользнула в спальню и, открыв шкаф, достала лучшее свое платье, новые белые босоножки. Вчера в этом наряде она праздновала сразу два события — день своего рождения и окончание седьмого класса. Сегодня наряжаться как будто и ни к чему. Но, Арине так хочется, чтобы в первый раз Игорь увидел ее именно в этом платье.

Она торопливо причесалась и, приложив к горящим щекам холодные ладони, направилась к выходу. Но не вышла. На цыпочках, чтобы не услышала мать, вернулась в спальню, стащила с себя нарядное платье и натянула старенький выцветший сарафан, снова положила в коробку босоножки и надела кроссовки.

— Я скоро вернусь! — бросила она, проходя мимо кухни.

Аринка вышла на крыльцо и сразу почувствовала, что Игорь во дворе. Она независимо засунула руки в карманы и против своего обыкновения, высоко вскинув голову, прошла не оглядываясь несколько шагов.

И вдруг голос:

— Здравствуй, Аринка! — Голос совсем незнакомый, хрипловатый и низкий, но Арина знает: это Игорь! И, помедлив, разрешила себе оглянуться.

Напротив крыльца, на сваленных у забора досках, сидел Игорь, окруженный мальчишками с соседнего двора. Заметив Арину, он, опираясь на палку, сразу поднялся ей навстречу, протянул руку.

— Ты что, ранен в боях? — улыбнулась Арина, вспоминая, как ловко прикидывался Игорь подстреленным, когда в детстве они вместе играли «в войну».

— Почти. Перед отъездом сломал ногу. Да теперь уж все прошло. Я даже бегать могу. Ты куда?

Выходя из дома, Арина сама не знала, куда и зачем она идет. А сейчас неожиданно деловито ответила:

— В школу. Там у нас опытный участок...

И решительно повернулась к воротам.

Она действительно пошла в школу, хотя ей гораздо интереснее было остаться с ребятами во дворе, послушать, что рассказывает Игорь о своей почти трехлетней жизни на Крайнем Севере.

Домой Арина возвращалась, когда уже совсем стемнело. Раскрытые окна Рубановых были ярко освещены. По занавескам двигались тени. Войти в полосу света она не решилась: сарафан был испачкан известью — она подбеливала деревья, — а пальцы одеревенели от налипшей на них грязи.

Пока Арина, притаившись в тени густой ели, раздумывала, как бы раздобыть ключи от дома, ее заметил отец Игоря: он курил на террасе и сразу увидел светлое пятно Арининого сарафана.

— А, вот когда ты попалась мне, разбойница! — громко, на весь двор закричал он, подходя к ней. — Ну, здравствуй, невестка! — И, не обращая внимания на отчаянное сопротивление, потащил Арину в дом. Смущенная, не поднимая глаз, стояла она в дверях огромной ярко освещенной комнаты, заполненной людьми и музыкой.

Выручила мама.

— Михаил Ильич, милый, — сказала она. — Отпустите девочку. Посмотрите, в каком она виде. Пусть хоть переоденется.

— Отпускаю, — согласился Михаил Ильич, — пожалуйста, наряжайся и заходи за Игорем. Пойдете гулять. Нечего тут киснуть со взрослыми.

Через минуту Арина с зажатым в руке ключом уже мчалась по лестнице к своей обитой коричневой клеенкой двери.

В квартире было непривычно тихо. По-осеннему пахло флоксами, которые стояли в вазе на подоконнике. Арина прошлась по комнатам, освещенным зыбким светом уличного фонаря. Она любила приходить в пустой дом. Любила забраться с ногами на диван и, не зажигая света, придумывать разные истории. Иногда про себя — какой она будет, когда станет совсем взрослой, иногда — про героев прочитанных книг.

Сегодня ничего придумывать не хотелось. Было почему-то тревожно и беспокойно.

Как вырос Игорь! И голос у него теперь совсем не мальчишеский. «Интересно, а я изменилась?» — Арина подошла к зеркалу, включила свет, пристально посмотрела на себя.

«А что? Она была бы ничего, если б нос стал чуточку потоньше. — И Арина, взяв с туалетного столика мамину шпильку, оседлала ею кончик своего вздернутого носа. — Вот так. И губы не такие пухлые. — Она попыталась разговаривать с поджатыми губами. Трудно, конечно, но если потренироваться, пожалуй, можно научиться. — Хорошо бы и косы подрезать — сразу б стала современнее и старше».

Повертевшись еще несколько минут у зеркала и придя к печальному выводу, что природу не исправишь, — наоборот, от шпильки нос не только не стал уже, а покраснел и даже как будто слегка распух, — она прошла в ванную, торопливо вымылась и распахнула шкаф. На этот раз уверенно надела нарядное платье и белые босоножки. Смочив руки мамиными духами, пригладила волосы и, потушив лампочку

над зеркалом, напевая, выскочила на лестницу. У порога ее ждал Игорь.

— Что будем делать? — спросил он.

— Пойдем куда-нибудь, — смущаясь и за это сердясь на себя, ответила Арина.

— Может, в городской сад?

— Что ж, пошли.

Фонари еще не зажглись, и улицы, погруженные в темноту, казались необитаемыми. Только голоса, раздававшиеся то тут, то там, громкие и пониженные до шепота, мешали поверить в окончательную незаселенность города.

— Ты кончила седьмой? — неожиданно спросил Игорь.

— Конечно, — удивленно ответила Арина. «Как могло быть иначе? Ведь они всегда учились в одном классе».

— А ты разве нет?

— Я тоже.

Больше, казалось, говорить было не о чем. Арина чувствовала мучительную скованность, хотела преодолеть ее и не могла.

— А учителя там у тебя были хорошие? — наконец спросила она. — Лучше наших?

Ее совсем не интересовало, какие на Севере были у Игоря учителя. Но нельзя же было молчать до бесконечности.

— Может, и не лучше, но ничего, нормальные, — уныло ответил Игорь.

Нет, прогулка явно не удалась. Арина отлично понимала это, изо всех сил сжимая во взмокшем кулаке, в кармане платья, рубль, который ей утром дала мама.

Вдруг вспыхнули фонари. Все одновременно. Но улицы от этого почему-то стали еще таинственнее. Качались ветви деревьев, и их причудливые тени лениво шевелились под ногами. От этого казалось, что слегка покачивается земля.

Они поравнялись со школой.

— Узнаешь? — спросила Арина.

— Еще бы!

И снова, уже до самых ворот городского сада, шли молча.

Сад был залит огнями. На открытой эстраде играл оркестр, но это не мешало слышать все звуки в отдельности — и плеск фонтана, и шуршание гравия под ногами у гуляющих, и чей-то громкий, бесстрастный голос из летнего кинотеатра, и звон металлических приборов с веранды ресторана... Празднично пахло духами, сухими слежавшимися листьями и легким горьковатым дымком.

Арина и Игорь влились в людской поток и начали чинно прогуливаться вокруг фонтана. И сзади и перед ними люди разговаривали о чем-то своем, совсем неинтересном. Голоса накладывались один на другой, и слышался только однотонный гул. Особенно забавный звук получался, если на секунду зажать ладонями уши, отпустить и снова зажать. Тогда слышится что-то вроде прерывистого громкого стона: «а-а-а-а»...

Прежде Арина непременно поделилась бы своим открытием с Игорем, а сейчас почему-то не хотелось. Игорь хоть и рядом, но какой-то чужой, важный. Может, он и правда чувствует себя взрослым? Но все взрослые вокруг ведут себя весело и непринужденно, а он...

Заметив, что Арина время от времени прижимает руки к ушам, Игорь поинтересовался:

— У тебя голова болит?

— Что ты, — ответила Арина и с опозданием поджала губы.

— Хочешь мороженого? — через некоторое время вежливо осведомился Игорь.

— Что ж, давай, — согласилась Арина, которая больше всего на свете любила мороженое.

Они оторвались от колонны гуляющих и устремились к ларьку с мороженым.

— Может, и воды? — снова спросил Игорь.

Арина отрицательно мотнула головой.

Когда им подали по пачке мороженого, она разжала кулак и одновременно с Игорем, который держал на ладони несколько блестящих монет, протянула продавщице свой скомканный рубль.

— У кого уж и брать-то не знаю, — засмеялась продавщица. У нее прыгали светлые кудряшки и высоко поднималась обтянутая белым фартуком грудь. — Возьму-ка все же у кавалера. А ты, девушка, побереги свои деньги: пригодятся. — И она озорно подмигнула Арине.

— Я не привыкла тратить чужие деньги, — срывающимся голосом сказала Арина, продолжая протягивать свой рубль. Она чувствовала себя вконец униженной, понимала, что со стороны и она сама со своим вздернутым носом и толстыми губами и ее мягкий, влажный рубль выглядят смешно, но остановиться не могла и продолжала настаивать:

— Нет, пожалуйста, возьмите мой!

Продавщица, окончательно развеселившись, взяла бумажку из рук Арины.

— Принципиальная у вас барышня, — сочувственно, как показалось Арине, обратилась она к Игорю. И тут Арина увидела, что Игорь улыбается так, будто заодно с этой толстой, колышащейся от смеха женщиной.

Она молча взяла сдачу и отошла от киоска. Бережно развернула пакет, откусила кусочек ледяного пломбира и сразу забыла о недавней неприятности.

На танцплощадке рокотала радиола.

— Мы ведь танцевать не пойдем? — полушутя, полувопросительно спросил подошедший к ней Игорь.

— Еще не хватало! — впервые за весь вечер улыбнулась Арина.

Побродив молча по заполненным людьми аллеям, но так и не почувствовав себя гуляющими, они сели на единственную освещенную и потому, видимо, пустующую скамью.

Арина долго молча смотрела на унылую тень раскачиваемого ветром фонаря и вдруг сказала:

— А все-таки мы с тобой очень несчастные! — голос ее прозвучал жалобно.

— Мы?!

— Ну да, ты и я. И знаешь, почему? Потому, что не маленькие и не большие, а так — ни то ни се.

— Правда, — отозвался Игорь. — Я тоже об этом думал. Было б нам хотя бы по семнадцати, что ли...

— Или уж по пяти или по семи, — говорит Арина. — Помнишь, как мы малышами пришли как-то сюда, в городской сад, со всеми своими игрушками? Завернули их в ковер и по дороге теряли то кастрюльку, то матрешку, то утюжок. Прохожие смеялись над нами, а нам было очень весело.

— Ага, — рассмеялся Игорь, — помню. А потом нас отсюда выгнала сторожиха — сказала, что траву мнем. Противная такая старуха с красной повязкой на рукаве. Я б, кажется, и сейчас ее узнал.

— По-моему, она в молодости была похожа на продавщицу мороженого, правда?

— Пожалуй, — не очень уверенно согласился Игорь.

— А помнишь, — Игорь прыскает от смеха, — как я у Пушкина содрал четверостишие и выдал за свое: «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда».

— Неужели помнишь?

— Еще как!

— И как Любовь Николаевна стыдила тебя?

— На всю жизнь.

— А помнишь, — через секунду снова говорит Арина, — как ты в первом классе плакал, когда тебя хотели отсадить от меня и Галки? Требовал, чтобы разрешили сидеть втроем?

Игорь хохочет.

— И как меня ребята дразнили «девчачий хвостик», оттого что я все время ходил только с вами, помнишь?

— Помню, конечно. И как ты струсил, тоже помню.

— Когда это я струсил? — встрепенулся Игорь.

— Но ведь перестал же вместе с нами выходить из школы.

— Подумаешь, я ж все равно встречал вас за углом. Срывался со звонком, добегал раньше всех до следующего квартала и ждал.

— Да ну? А я никак не могла понять, откуда ты вдруг выныриваешь.

— А помнишь, как нас выгнали из театра?

— Что-то забыла...

— Ну, как же. Твоя мама повела нас на «Горе от ума». Сначала все шло хорошо, а потом, когда на сцену выскочила арапка, начала таращить глаза и прыгать как сумасшедшая, мы...

— Ха-ха-ха! Вспомнила, вспомнила! Мы начали умирать от смеха и не успокоились до тех пор, пока нас не вывели...

Какая-то девушка, занявшая со своим спутником противоположный край скамьи, выразительно поглядев на Игоря и Арину, заметила: «Ого, уже одиннадцатый час, а наши юные соседи и не подозревают, что им давно пора спать!..»

Арина и Игорь переглянулись, не сговариваясь вскочили с места и, взявшись за руки, побежали к выходу.

— Давай проверим, цела ли наша лазейка в заборе? — предложил Игорь.

По мокрой от ночной росы траве они забрались в самую глухую часть сада. Тоненькие ветви новых посадок хлестали их по лицам, руки кололи боярышник и кусты шиповника, но от этого им было еще веселее.

С трудом они разыскали отверстие в металлической ограде и друг за другом нырнули в него.

— А нам не попадет, что поздно? — спросила Арина, поправляя выбившиеся из косы прядки.

— Ну, что ты, они же сами нас послали.

— Но все-таки пошли быстрее. Мама не любит, когда я поздно возвращаюсь. Бежим!

Игорь мгновенно сорвался с места. Сначала он бежал впереди, совсем как в детстве, делая круговые движения обеими руками, потом Арина перегнала его. Во двор они влетели почти одновременно и, с трудом переводя дыхание, остановились у места, где обычно расходились, возвращаясь из школы.

— Ну, пока, — сказал Игорь, как всегда говорил прежде.

— Пока, — весело ответила Арина, вспрыгивая сразу на две ступеньки.

Только теперь она почувствовала, что Игорь действительно вернулся. И впервые по-настоящему обрадовалась этому.

А. СТАРИКОВ

Новогодней ночью

Я — часовой! Я на посту!
И новогодней ночью
Я службу бдительно несу,
И Новый год в густом лесу
Я праздную заочно.

Мороз крепчает, снег глубок,
От стужи побелела
Луна, фонарный столб продрог
От головы до самых ног...
Но мне какое дело?

Мне снег и стужа не страшны —
Я к ним привычен с детства.
И я стою средь тишины
Такой, что на сто верст слышны
Порой удары сердца.

Здесь праздничного нет стола —
Да я и не жалею.
Я в карауле! Ночь светла,
Мерцает тускло сталь ствола,
И рядом склад чернеет.

Стою, сжимаю автомат.
Уж все давно уснули,
В сугробах снежных ели спят.
Но никогда не спит солдат,
Стоящий в карауле!

Фотографии
В. КРУПСКОГО.

Первый раз — Театр. Таинственная складка занавеса, серебряный шорох бумажки от шоколада и бархатные подлокотники кресла, которые еще высоки для тебя.

Ах, если бы ты мог!

Ты бы сразу же расколдовал несчастное Чудище из «Аленького цветочка», и «Два клена» опять превратились бы в веселых мальчишек...

Сказка театра кончается счастливо. Ты так страстно этого желал, что чувствуешь гордость: еще неизвестно, как бы все кончилось без тебя...

Ты выйдешь из театра, уверенный, что если очень-очень захотеть, можно победить зло и сделать так, чтобы все происшествия на свете имели счастливый конец.

И ничего сказочного в этом нет.

И. ГОЛУБЕВА.

ВЕСЕЛАЯ ДОБРОТА

О книгах Всеволода Нестайко

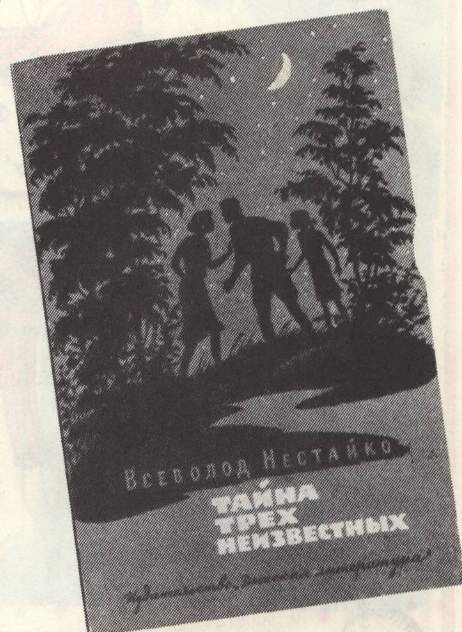

Свою доброту люди проявляют по-разному. Одни — открыто, размашисто. Другие — со смущением, застенчиво. Третьи — озорно, весело, с улыбкой на устах.

Герои жизнерадостных книг украинского детского писателя Всеволода Нестайко несут людям веселую доброту. От подобной доброты светлее, человечнее становится в большом мире, где в дружбе живут ребята и зверята, дети и взрослые, где каждому открыт широкий простор для хороших дел и благородных поступков. Только не ленись, спеши делать добро людям!

Именно так и поступают главные герои книги «Тореадоры из Васюковки», составленной из трех повестей: «Приключения Робинзона Кукурузо», «Незнакомец из тринадцатой квартиры» и «Тайна трех неизвестных». Веселые мальчишки — одноклассники Павлуша Завгородний и Ява Рень, активно действующие во всех трех повестях, и дня не могут прожить без приключений и следопытского поиска, постоянно пытаются что-то разведать, разузнать, открыть. И в этом им, как правило, помогают старшие наставники, люди веселые и добрые, мудрые и много знающие. Без их поддержки незадачливым мальчишкам пришлось бы очень туго.

Взрослые в книге удивительно похожи на детей, а дети — на взрослых. Автор справедливо считает, что чем дольше человек не разлучается с детством, сохраняет по-мальчишески восторженный и простодушный взгляд на окружающую действительность, тем радостней ему живется. И чем раньше дети начинают приобщаться к делам и заботам взрослых, тем вернее получаются из них люди настоящие, смелые и трудолюбивые, способные на подвиг. Героическое и веселое живут в книге в большой дружбе.

Через всю книгу проходит мысль о силе дружбы, о том, как важно иметь надежного товарища, который в любую минуту поддержит тебя, подбодрит, укажет самый верный выход из, казалось бы, безвыходного положения. Друзья друг за друга — горой! Они не представляют, как бы могли обойтись один без другого, без спасительной взаимовыручки.

Всеволод Нестайко давным-давно расстался со школой, и ему уже под пятьдесят, но о чем бы он ни писал, все у него получается по-детски занятно и непосредственно. Он радуется всему веселому и доброму, что есть в детях и взрослых, светлой улыбкой приветствует каждый новый день. «Случайно или нет, — сказал как-то писатель, — но почти всем героям моих книг одиннадцать-двенадцать лет. Я как бы застрял в том возрасте... Детство — неповторимая, волшебная пора. Не у всех жизнь может сложиться одинаково удачно и хорошо. Но детство у всех должно быть радостным, светлым и счастливым. А счастье не может быть без улыбки. И если юный читатель хоть раз улыбнется, читая мою книгу, — значит, я не зря живу на свете».

Трилогия «Тореадоры из Васюковки» дарит хорошее настроение, добрую улыбку всем ее читателям. Она учит жить по-пионерски ярко и интересно.

Владимир РАЗУМНЕВИЧ

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой

Капитан Перо ищет помощника

Маскарад

В лесу веселый маскарад
Назначен на субботу,
Костюмы все себе кроят,
Уселись за работу.
Лиса, куница и барсук
Решили нарядиться,
Кто — в обезьянку,
Кто — в козу,
Кто — в сказочного принца.
Лиса сказала, что барсук
Козой решил явиться.
— А обезьяною — лиса! —
Всем говорит куница.
Барсук же знай твердит одно:
— Куница будет принцем!

Проникнуть в тайны мудрено,
Но вот какой есть принцип:
Учти, что те, кто шьют костюм
Козы и обезьяны,—
Невероятные лжецы
Всегда и постоянно.
А тот, кто принцем хочет быть,
Не лжет и лгать не может,
Ведет к отгадке эта нить.
Она тебе поможет.
Но надо вдумчиво, мой друг,
В задачу углубиться.
Реши: кем явятся барсук,
Лисичка и куница.

Капитан Перо.

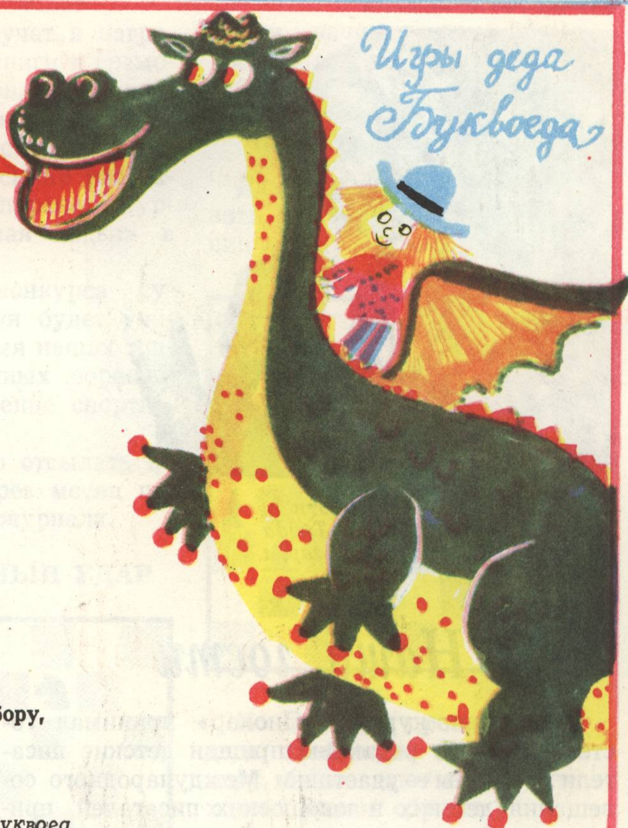
Игры Лупы и Пинцета

Редкая тема

6 Драконов

□□ДРА

Эта ДРА по реке плывет,

КО□□Н□

Этот КОН только вниз растет,

Д□Р□□А

Эта ДРА от села к селу,

КО□□□Н

В этот КОН положи стрелу,

□□Д□РА

Этот ДРА обижает всех,

К□О□Н

Этот КОН вызывает смех,

ДР□□□А

Этой ДРА дорожи всегда,

□□К□□ОН□

Этот КОН из муки еда,

ДР□□А

Эта ДРА прочищает порт,

КОН□□□□□

Этот КОН изготовил торт,

ДР□□А

Эти ДРА — штабельком в бору,

КОН□□

Этот КОН завершил игру!

Дед Буквоед.

Колючая задача

Вот симпатичные ежи,
Какого как зовут, скажи.
От Пэта слева Физа нет,
От Физа справа нет Чучачу,
Мак рядом с Физом справа... Пэт
Мне эту предложил задачу,
Ее решил я в пять минут...
А ты?.. Ежи ответа ждут!

Живживка.

Пинцет показал нам несколько марок из своей коллекции. Мы спросили, почему он собирает марки на такие разные темы. «Нет,— ответил Пинцет,— моя коллекция посвящена одной теме». Присмотревшись, мы убедились, что он прав.

Какие марки собирает Пинцет? Не поторопился ли он, однако, поместить одну из марок в свой кляссер?

Лупа.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 12

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Общий признак. На марках все время увеличивается число изображенных предметов: один носорог, две рыбы, три цветка... Непал, Колумбия, Цейлон, Испания, Пакистан, Гонконг, Руанда, Папуа, Новая Гвинея.

Одной чертой. Веди черту от руля.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Сундук пирата. В сундуке у пирата была закрыта «БУРЯ».

Выступает Асен Босев, поэт, Герой Социалистического Труда Народной Республики Болгарии.

Наши гости

В октябре журнал «Пионер» принимал гостей. К нам в редакцию пришли детские писатели и поэты — участники Международного совещания детских и юношеских писателей, пришли, чтобы узнать, как работает и живет старейший в мире детский журнал «Пионер», и рассказать о себе.

И вот о том, как создавались книги «Пароль Надежда» и «Консул» (их, конечно, прекрасно знают читатели «Пионера»), рассказала Зоя Ивановна Воскресенская.

Стихи известного поэта Болгарии Асена Босева очень любят болгарские и советские ребята. От Асена Босева мы узнали о его новых книгах, которые скоро выйдут в Болгарии. Читатели «Пионера» увидят в нашем журнале их переводы.

Теплые слова о дружбе и сотрудничестве советских и зарубежных писателей сказали австрийская детская писательница Ингеборг Бауер и писатель из ФРГ Отфрид Пройслер.

Абдель Маджид аль-Кады — детский писатель из Народной Демократической Республики Йемен. Еще недавно в этой стране книги для детей не издавались, не было и детских писателей. Абдель Маджид аль-Кады пишет для ребят пьесы. Он рассказал нам о новой своей пьесе «Пчелка с красным ремешком».

«Доктор Смех» — так называется веселое стихотворение, которое прочитала нам известная белорусская поэтесса Эди Огнецвет.

Своими творческими планами поделились с «Пионером» хорошо знакомые вам писатели Радий Погодин из Ленинграда и Юрий Дмитриев из Москвы.

В этот день в редакции нашего журнала и гости и хозяева много говорили о том, как помочь подружиться ребятам разных стран, чтобы жили они в дружбе и мире. И единодушно пришли к мнению, что очень-очень многое могут сделать для этого детские писатели и поэты.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела коммунистического воспитания), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

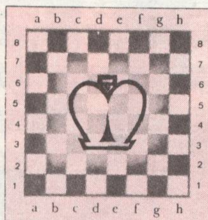
Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1980.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26.10.79.
Подписано к печати 29.11.79. А 01023.
Формат 84×60¹/₈. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 37. Заказ № 1602.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Новые путешествия «Белой ладьи»

В прошлом году переходящий приз «Белая ладья» завоевали юные шахматисты из 16-й школы Магнитогорска. Кто завоюет приз в Новом году? Во всех школах идут сейчас пионерские турниры — ребята стараются сыграть лучше, волнуются.

Волнуется и Пешкин. Он желает всем своим друзьям отличных результатов и очень хочет знать, какой пионерской команде удастся завоевать его переходящий приз.

Участникам соревнований клуба «Белая ладья» прислал письмо чемпион мира Анатолий Карпов. Вот что он пишет: «Командные соревнования пионерских дружин стали отличной школой для юных шахматистов. Хочется сказать и победителям и побежденным, что главное все же — борьба, воспитание своего характера, а успехи обязательно придут, если постоянно работать над шахматами и по настоящему их любить».

Новогодний конкурс «Белая ладья»

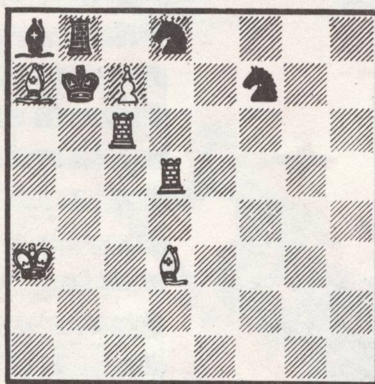
Свой новогодний конкурс Пешкин посвятил белой ладье. Она главное действующее лицо его новых задач.

Те, кто правильно решит все задачи, получат в награду шахматные книги и грамоты нашего журнала. Дополнительные очки в конкурсе завоюют те участники, которые в своих письмах расскажут о том, как проходил турнир клуба «Белая ладья» в их школе.

Результаты конкурса судейская коллегия будет учитывать и во время наших традиционных заочных соревнований на получение спортивного разряда.

Решения надо отсылать не позднее чем через месяц после получения журнала.

НЕОЖИДАННЫЙ УДАР

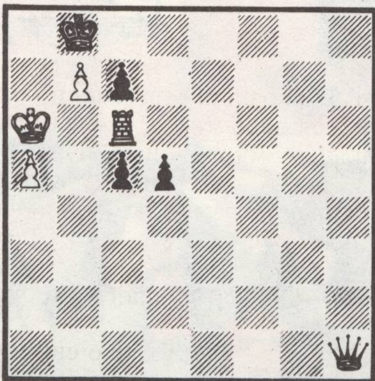

Здесь неожиданный удар по крепости черного короля наносят белые. И, конечно, ладьи — их главная ударная сила.

Найдите, как, начиная игру, белые дают мат в два хода.

ХИТРАЯ ЛАДЬЯ

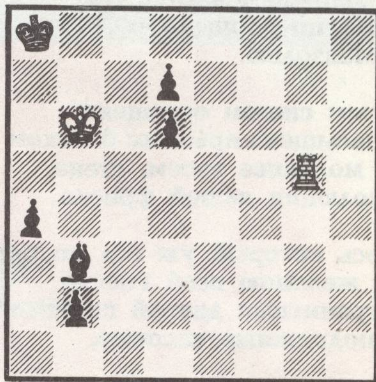
Упорно сражается белая ладья в этом положении. И хотя у черных большой материальный перевес, им никак не удается добиться победы.

Как, начиная игру, белые добиваются ничьей?

ЧУДЕСА ХРАБРОСТИ

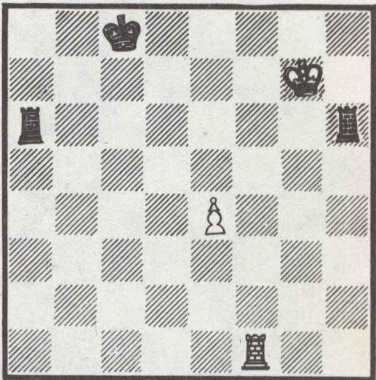
Даже трудно себе представить, как белые в этой позиции могут избежать беды?..

Но их ладья проявляет чудеса храбрости, и, начиная игру, белые дают мат в пять ходов. Каким образом?

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Казалось бы, все ясно в этом положении и белым остается только сдаться.

Но белая ладья и здесь не растерялась. Начиная игру, белые могут сделать ничью.

* * *

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

По решению ЦК ВЛКСМ с 1980 года журнал «Пионер» становится организатором Всесоюзных соревнований клуба «Белая ладья».

У Мавзолея

Музыка Ю. ТУГАРИНОВА.

Стихи Я. СМЕЛЯКОВА.

С неба падает снег зимы.
Осторожно, благоговея,
Приближаемся тихо мы
Вдоль по площади —
К Мавзолею.

Белым снегом освещена
И насыщена красным блеском
На молчанье твоем, стена,
Революции нашей фреска.

Здесь который уж год подряд
По желанию всей России
У гранитных дверей стоят
Неподвижные часовые.

Ливень хлещет, метель метет,
В небе молния проблеснула —
Ни один из нас не уйдет
Из почетного караула.

Неторопливо

С не-ба па-да-ет снег зи-мы. Ос-то-
-рож-но, бла-го-го-ве-я, при-бли-жа-ем-ся ти-хо мы вдоль по
пло-ща-ди к Мав-зо-ле-ю. Бе-лым сне-гом
о-све-ще-на и на-сы-ще-на крас-ным бле-ском, на мол-чань-е тво-
-ем, сте-на, ре-во-лю-ци-и на-шей фрес-ка. Здесь ко-то-рый уж год под-
-ряд по-же-ла-ни-ю всей Рос-си-и у гра-нит-ных две-рей сто-
-ят не-по-движ-ны-е ча-со-вы-е. Ли-вень хле-щет,
ме-тель ме-тёт, в не-бе мол-ни-я про-блес-ну-ла. Ни о-дин из
них не уй-дет из по-чет-но-го ка-ра-у-ла.
С не-ба

rit.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.